

Максуд Ибрагимбеков

В аду повеяло прохладой

Хроники переходного периода:

Часть первая

Большинству людей свойственно полагать, что их судьба зависит в основном от них самих. Если не учитывать стихийные бедствия и техногенные катастрофы, то до некоторой степени это так и есть. Действительно жизнь человека складывается в зависимости от его умения использовать задатки, заложенные в нем при рождении. При удачном стечении обстоятельств развитый интеллект, физическое здоровье и честолюбие изначально предоставляют ему преимущества в предстоящей жизненной гонке. И все же, и это общеизвестно, человеческая жизнь в силу других, как правило, непредсказуемых обстоятельств складывается у всех по разному.

Когда Сеймур Рафибейли учился в школе, он очень удивился бы, если бы узнал, что его дальнейшая судьба будет зависеть от незнакомых людей, вернее, от их конкретных поступков, которые в определенный день и час им еще предстоит совершить вдали от Баку. Уже в детстве ему было известно, что они существуют - Сталин, Гитлер, и Черчилль. Имя Шарль де Голль ему довелось услышать позже.

Красивого товарища Сталина он ежедневно видел на портретах, в документальной хронике, которую обязательно показывали во всех кинотеатрах перед просмотром фильма. Сталин Сеймuru нравился. С детства по радио и от всех окружающих он слышал, что он мудрый, добрый и старается изо всех сил ради того, чтобы советские граждане жили еще зажиточнее и веселее. В Баку все знали дом, где он до революции укрывался от недремлющего ока царской охранки, и всей школой ежегодно посещали подпольную типографию «Нина», в которой под руководством товарища Сталина выходила пролетарская газета «Искра», в свое время признанная буреизвестником революции на всем Кавказе. Сталиным все восхищались и любили. На вопрос физрука – кого они больше любят – «Ленина или Сталина» дети уже в первом классе отвечали – Сталина! О Гитлере он знал не много, только то, что он канцлер Германии, которая в силу присутствия всем странам капитализма порокам воюет с другими странами Европы, страдающими такими же врожденными язвами капитализма. К фашистской партии отношение советских граждан тогда было положительное из уважения к немецкому народу, именуемому вплоть до 1940 товарищем Сталиным и его соратниками братским.

О малоизвестном в Баку Черчилле Сеймур узнал от отца - знатного нефтяника страны Искендера Рафибейли. Рассказывая сыну о причинах бурного расцвета нефтяной промышленности в Баку, он упомянул Уинстона Черчилля. Еще тридцать лет назад нефть использовалась главным образом в качестве горючего в лампах освещения и в печах отопления. Все изменилось в 1905 году, когда Черчилль стал морским министром Великобритании. Это ему первому пришло в голову перевести военный флот, а вслед за

ним и торговый, с угля на нефть. Вслед за английскими кораблями на нефтяное горючее перешли все флоты мира.

Эффект от перехода на новый вид горючего был колоссальный. В результате спрос на нефть возрос в сотни тысяч раз, а в Баку начался нефтяной бум, который продолжается поныне. Закончив рассказ о Черчилле, отец спохватился и попросил Сеймура в институте никому об этом не рассказывать. В разговорах следует быть сдержанным, сдержанным и осторожным, сказал отец Сеймуру. Уинстон Черчилль живет в капиталистической стране, ходят слухи, что он ушел в политику и нефтью больше не занимается. Если ни в одном современном справочнике или учебниках по нефти Черчилль не упоминается, значит, какому-нибудь наивному человеку разговоры о нем могут показаться антисоветской пропагандой, и, как сознательный гражданин, он из лучших побуждений сообщит о тебе куда надо.

О де Голле Сеймур Рафибейли в свои двадцать лет вовсе ничего не знал.

Само собой разумеется, что ему не было известно и о том, что де Голль, Гитлер, Черчилль и Сталин никогда друг с другом не встречались. Зато ему, как и большинству бакинцев, было известно много интересного о Ганди и Долорес Ибаррури. Потому что о них регулярно писали бакинские газеты, и сообщало всесоюзное радио.

Это вовсе не означало, что Сеймур не был любознательным или общительным человеком. Бакинская молодежь в то время много читала. Издавалось множество книг. Практически читателям была доступна вся мировая литература. Чехова, Вальтера Скотта и Александра Дюма большинство его сверстников прочитали еще в школе до поступления в институт. Книжки продавались в магазинах по смехотворно низкой цене. Самыми популярными писателями были Марк Твен, О. Генри. Можно сказать, что главным развлечением студенческой молодежи в те годы было чтение хорошей литературы.

Баку в те времена был после Москвы, Ленинграда и Киева четвертым в СССР по величине городом, но так уж получилось, что почти все мало-мальски приметные обитатели этого большого города были между собой знакомы или знали друг о друге понаслышке. Ах, какой это был город! Если бы кому-нибудь вздумалось предъявить миру образец лучших достижений бурно развивающегося социализма, то он назвал бы Баку. Это был город наилучшим образом приспособленный к обитанию человека. Четыре театра – оперы и балета с постоянным репертуаром, два драматических и один театр юного зрителя, несколько кинотеатров, там перед сеансами в сопровождении оркестра пели популярные певцы. Любители спортивных зрелищ проводили свободное время на ипподроме, где в тотализаторе при максимальной ставке в два рубля при удачном раскладе можно было выиграть хорошие деньги; или же бескорыстно наслаждались на двух стадионах футболом и состязаниями по легкой и тяжелой атлетике. Детей водили в зоопарк и ботанический сад, где можно было посмотреть, как живет в условиях победившего социализма многочисленным представителям флоры и фауны.

Не пустовали и рестораны, кухня нескольких из них была способна, по отзывам знатоков, удовлетворить самый изысканный вкус. По выходным дням на приморском бульваре играл духовой оркестр. Оркестр считался хорошим и поэтому его часто приглашали играть на похоронах уважаемых людей. Для похорон у оркестра был особый репертуар, в котором

отсутствовали музыкальные произведения духовно-божественного содержания. Во избежание неприятностей дальновидные музыканты независимо от культурных потребностей родственников покойника играли преимущественно печальные отрывки из известных шедевров мирового музыкального искусства. Делалось это полюбовно по согласованию с организаторами похорон. Жители Баку были сплошь атеистами. В Бога перестали верить почти одновременно все, после того как было объявлено, что Бога нет, а религия - это опиум для народа. Народ, убедившись на опыте печальной судьбы некоторых людей в том, что религия действительно вещь очень вредная, а временами даже опасная для жизни, повсеместно перестал молиться. Действующими оставались считанные храмы культов, которые продолжали посещать разве только доживающие свой век старики, родственникам которых в этой жизни терять уж совсем было нечего. Мечети, церкви и синагоги использовались в качестве библиотек и музеев. Они были объявлены архитектурными памятниками, и сохранность их заботливо охранялась государством. Бывшие «божьи храмы» использовались также в качестве политехпросветучреждений, где для трудящихся демонстрировались научные атеистические фильмы и читались лекции по научному коммунизму.

На похоронах этот оркестр играл лишь в будни, а в выходные и праздничные дни он выступал для бакинцев на их любимом бульваре. Солнце отражалось в морской воде, пахло цветами и хвоей. Нарядные люди прогуливались по тенистым аллеям под волнующие звуки «Большого вальса» или «Марша энтузиастов», полной грудью вдыхали морской воздух и приветливо раскланивались со знакомыми. Нагулявшись всласть, горожане удалялись под парусиновые тенты с видом на море, где всегда можно было выпить свежее бочковое пиво. Детям давали вкусные газированные напитки, «вишневый» и «ситро». Здесь же, под навесами, в больших котлах варили крупных морских раков. Пахнущие укропом и лавровым листом, горячие раки пурпурного цвета продавались по пять копеек за килограмм. «Баварское» пиво было двух видов, светлое и темное. Последнее почему-то называлось «мартовским». Вот уже как пятнадцать лет «баварское» пиво варили на местном заводе специалисты, переехавшие в Баку из Германии. Вполне приличное с виду пиво варили в Баку и до немецких умельцев, и трудовой народ его пил, но без всякого удовольствия. И тогда советская власть, подобно чуткому камертону, незамедлительно отзывающаяся на чаяния народа, наладила в Баку производство баварского пива. В случае необходимости приглашались иностранные специалисты для работы и в других отраслях народного хозяйства. Идя навстречу пожеланиям трудящихся, в Баку приехали ихтиологи, а вместе с ними специалисты смежники, которым было дано задание наладить на основании последних достижений науки разведение осетровых рыб. В ударные сроки были спроектированы два завода по искусственному оплодотворению икры, после чего из-за границы стали закупать за валюту нужное оборудование. Строительство заводов планировалось завершить в 1943 году, и тогда первые миллионы мальков осетровых должны были начать осваивать просторы Каспийского моря. Немногочисленные скептики отнеслись к плану искусственного разведения рыбы с сомнением, но вслух своих настроений уклонистского свойства выражали только в кругу проверенных временем близких друзей, да и то вполголоса. Их вводило в заблуждение то обстоятельство, что осетровые в те времена бурно размножались самостоятельно без посторонней помощи. Рыбы добывалось много, и предложение намного превышало спрос. Живую рыбу продавали на рынках, и в магазинах,

завернутых в мокрую рогожу осетров разносили на продажу по домам, ее коптили и перерабатывали на консервном заводе, но довольно-таки увесистая часть улова частенько пропадала даже в зимних условиях... А вывозить этот чрезвычайно скоропортящийся продукт по причине отсутствия холодильников было невозможно. Знали это и доморощенные ревизионисты, и вообще, им казалось, что если полукилограммовая банка белужьей или осетровой икры стоит три рубля, включая стоимость стеклянной банки, то так будет продолжаться всегда. А те, кто верил в советскую власть и знал, что ей свойственно видеть то, что до поры до времени недоступно другим, отнеслись к проекту с пониманием и постарались высказать свое одобрение на страницах газет «Коммунист», «Бакинский рабочий» и «Вышка», а также на собраниях представителей общественности и производственных совещаниях.

При сильном желании к недостаткам Баку можно было отнести затруднения с жильем для трудящихся. Даже в частных беседах эти затруднения непременно назывались временными. Благодаря советской власти многие люди, в большинстве молодые, верили в свое светлое будущее и поэтому размножались беззаботно и с удовольствием, вследствие чего темпы строительства жилья со временем начали заметно отставать от темпов роста численности населения. В связи с этим были обнародованы планы с конкретными цифрами, в соответствии с которыми в обозримом будущем все нынешнее поколение советских граждан и, частично, следующее получит благоустроенное, естественно, бесплатное жилье. Но бездомных в городе не было. Нуждающимся семьям регулярно выписывали в райсовете ордера на постоянное жилье. Как правило, каждой семье доставалось по одной комнате в многокомнатной квартире с общей кухней и туалетом. Квартиры предоставлялись с мебелью, посудой и постельными принадлежностями, иногда с детскими игрушками. Так как все это добро изначально было рассчитано на одну семью, то новым обитателям квартиры приходилось кое-что докупать самим – в основном, недостающие кровати, по одной на каждого новосела, и кухонные шкафчики по числу вселившихся семей.

Хозяев квартир выселяли по ночам. Приходили два-три вооруженных человека в сопровождении управдома и участкового милиционера, производили обыск и через полтора - два часа выводили людей на улицу, где их ждала машина. Соседи об этом знали, но вопросов не задавали, а утром вели себя так, как будто ничего не произошло.

Сеймуру было десять лет, когда глубокой летней ночью он проснулся от громкого женского плача. Он подбежал к открытому окну и увидел соседей из второго подъезда - доктора Мамедбейли с женой и двумя детьми. Четыре человека в форме помогли им сесть в крытый грузовик, загрузили несколько чемоданов, а затем вспрыгнули в кузов сами. Управдом и участковый стояли у ворот до тех пор, пока грузовик не скрылся за углом. После чего, не попрощавшись, пошли в разные стороны.

Сеймур вышел из спальни и увидел своих родителей. Одетые, они сидели за столом и молчали.

Побледневший отец объяснил ему, что доктора арестовали на основании решения народного суда, из-за того, что он является троцкистом и членом тайной протурецкой националистической организации. Сеймур уже взрослый мальчик, - сказал отец, - и должен понимать, что цель врагов народа разрушить советское государство и навредить всем

советским гражданам, в том числе и Сеймуру. Ничего не поделаешь, идет борьба не на жизнь, а на смерть, и об этом всем надо помнить.

Мать обняла Сеймура и повела его к детской. Она плакала.

- А тетя Халида, Намик и Леля тоже враги народа? – спросил Сеймур.

- Нет, конечно. Я думаю, они скоро вернутся.

Прошло еще два месяца, и Сеймур понял, что вернутся они не скоро. В квартиру Мамедбейли вселили две семьи нефтяников - бригадира и рабочего. До этого они жили в общежитии на Биби-Эйбате. Новые соседи трогательно суетились, когда все вместе взрослые и дети, перетаскивали через весь двор чемоданы и узлы со своим скарбом в предоставленное им жилье. И у них у всех были взволнованные и очень счастливые лица.

Может быть, о семье доктора Мамедбейли и вспоминали, но не вслух. Как-то получилось, что соседи избегали в ежедневных беседах дома или во дворе упоминать их имена, хотя никто этого не запрещал. И так было не только во дворе Сеймура, во всем Баку люди говорили о чем угодно, но только не о тех, кто на их глазах исчезал и никогда не возвращался. Прошло несколько месяцев, и от ночного происшествия в памяти Сеймура остались туманные отрывки, похожие на странный сон без начала и конца.

Как раз в это время партия и правительство преподнесли городу замечательный подарок, на некоторое время затмивший все другие городские события. Впервые в СССР была построена электрическая железная дорога, и произошло это именно в Баку. В просторном прохладном вагоне на дорогу до их дачи в Амбуране теперь уходило минут сорок. Раньше поездка занимала около трех часов. Извозчик подавал к воротам транспортное средство. В отличие от остальных людей, пассажиров и прохожих, уверенных, что перед ними телега, сам извозчик гордо именовал свое транспортное средство экипажем. Вначале в заднюю часть «экипажа» загружался багаж, после чего семья в полном составе – Сеймур, его родители и кошка Пакиза усаживались на удобные сиденья с поручнями в передней части транспортного средства. И два могучих «першерона», правнуки племенных лошадей – тяжеловозов, закупленных советской властью во Франции в целях улучшения жизни трудящихся, без видимых усилий везли их через весь апшеронский полуостров на северное побережье, где были расположены санатории и дачи трудящихся.

В то время он учился на втором курсе самого престижного в Баку Индустриального института, был членом команды Яхт - клуба по классической гребле, занимался боксом и был обладателем костюмов из легкой чесучи кремового цвета и двубортного из черного шевиота. У него также были шесть сорочек из белой рубчатой ткани пике, как с отложными, так и с обычными воротниками под галстук, и две пары ботинок, сшитых на заказ в самой лучшей мастерской города, куда его отвел отец и познакомил там с мастером своего дела, бывшим холодным сапожником Егановым. Одежду ему выбирали и покупали на свой вкус родители, отец – Рафибейли, знатный нефтяник республики, и мать – София, в девичестве Салам-заде, учительница итальянского языка в бакинской консерватории. С детства Сеймура баловали, но в одном мать была непреклонна – дважды в неделю она занималась с ним итальянским языком. Времени это занимало немного, часа полтора, учение давалось мальчику легко, и уже в девять лет он, не заглядывая в либретто, понимал, почему любимая ария герцога причиняет жестокие страдания несчастному Риголетто и его доверчивой

дочке. Мать никому не доверяла и выбор одежды, сама выбирала в магазине ткань и сама вместе с сыном ходила на все примерки к портному. Регулярно обновляемый гардероб в сочетании с атлетической фигурой и улыбчивым лицом позволяли ему выглядеть нарядным во все времена года.

Сообщение о вероломном нападении фашистской Германии особого впечатления на бакинцев не произвело. Население было уверено, что фашистская Германия еще горько пожалеет, начав войну с самой могучей страной в мире, коей, несомненно, являлся Советский Союз, но, зная это, с первого же дня дружно поддержало мероприятия партии и правительства, направленные для надежной защиты от случайного прорыва вражеской авиации на любимый город Баку. О том, что нефтяная столица мира Баку является лакомым куском для любого капиталистического агрессора, все знали давно, и гордились тем, что им выпало счастье жить и работать там, где добывается девяносто процентов нефти, из которой производится горючее для всех моторов, работающих в воздухе, на земле и на море. Поэтому одни бакинцы стали в массовом порядке наклеивать на оконные стекла куски бинтов и марли. Делалось это с целью предохранить людей от осколков стекла в случае воздушного налета, а другие, те, что пошустрее, в тесном сотрудничестве с чекистами начали повсеместно устраивать шумные облавы на диверсантов, шпионов и вредителей, число которых с первых же дней войны несоизмеримо увеличилось по сравнению с мирным временем. На всех крышах домов на случай попадания зажигательных бомб стояли бочки с песком и водой, а также установлены стенды с развешанными щипцами для обезвреживания зажигательных бомб, и другое противопожарное оборудование. Там же по ночам добровольно дежурили обитатели домов.

Городские власти испытали кратковременный шок, когда на крыше одного из пятиэтажных зданий по соседству со штабом военного округа было обнаружено полотнище, на котором был выведена огромная свастика. Всем стало веселее после того как оперативники доложили, что эта свастика нарисована на крыше психиатрической больницы. Еще через час выяснилось, что полотнище сшито из восьми простынь, взятых из больничной палаты, а на рисование свастики ушло пять бутылок чернил, украденных обитателями больницы из канцелярии. В итоге нескольких долгих откровенных бесед оперативников с психопатами, было установлено, что пятеро больных, впавших еще глубже в состоянии тяжелой депрессии, решили исключительно по собственной инициативе установить на крыше плакат со свастикой с целью ввести в заблуждение воздушного фашиста, пожелавшего разбомбить психиатрическую больницу. После того как независимая экспертиза подтвердила, что виновные действительно являются неизлечимыми психопатами, больных вернули в больницу, а главврача больницы из-за проявленной халатности разжаловали в заведующего отделением.

Что же касается немецких специалистов-пивоваров, то доподлинно всем было известно, что они психически здоровы, поэтому никто не удивился, когда все они были уволены. Уволены навсегда и тут же заменены местными сотрудниками после того, как было доказано, что немецкие пивовары готовились добавить в продукцию пивного завода привезенные из Германии токсичные вещества, что неизбежно привело бы в Баку к

отравлению подавляющего большинства любителей пива. Пивоваров и членов их семей больше никто в городе не видел. Еще одно событие, случившееся в эти же дни, осталось почти незамеченным потребителями пивного завода: в полном составе исчез единственный в городе джаз-банд, концерты которого посещал только ограниченный круг ценителей этого порочного вида искусства. Оркестр дважды в неделю нелегально играл в клубе «Бакпорт», и зарплату музыканты оркестра получали неофициально из рук в руки.

Когда пришедшие на концерт поклонники джаз - банда узнали, что концерт отменен, они очень расстроились и стали громко требовать немедленной встречи с любимым коллективом. Вместо оркестра на сцену вышел новый директор клуба и поделился с переполненным залом своими соображениями. Он сказал, что если руководство порта по неизвестным причинам до сих пор не пресекало вредную деятельность оркестра, в состав которого проникли саксофонисты и тромбонисты, то сейчас, в военное время, с этим покончено. Руководство не может допустить, чтобы в стенах прославленного клуба «Бакпорт» молодые люди слушали упадническую буржуазную музыку, неизбежно приводящую к моральному разложению и ослаблению патриотических чувств советского человека. Директор клуба посоветовал всем разойтись, пока он не приказал переписать имена и фамилии любителей джаза, для того чтобы передать их в комсомольские организации каждого из присутствующих.

А вот другим гражданам, любителям радио, не понадобилось объяснять, как может отразиться на их сознании тлетворная вражеская пропаганда и музыка, пересекающая границы в виде невидимых глазу радиоволн. Все они в течении трех дней добровольно расстались с радиоприемниками, когда им официально сообщили адреса, где они временно будут храниться. Сознательные граждане добровольно сдали на временное хранение и пишущие машинки, которые, попав в военное время в руки шпионов, также могли стать средством вражеской пропаганды

Сеймур успел попасть в первую волну добровольцев. Он был студентом третьего курса Индустриального института, и как будущий нефтяник имел право на отсрочку от призыва, но он, вместе со всеми однокурсниками, отправился в военкомат, где в письменной форме они отказались от предоставленных им льгот и потребовали незамедлительной отправки на фронт.

В честь студентов добровольцев был дан концерт в театре оперы и балета. Перед концертом к защитникам родины со сцены обратился первый секретарь Центрального комитета компартии республики Мир Джафар Багиров. Высокий, в строгом костюме и в очках с блестящими стеклами он вначале произвел на студентов впечатление сурового партийного деятеля, но по мере того как он говорил, в зале прекратились все разговоры, и наступила полная тишина. В середине приветственного выступления Багиров, улыбнувшись, сообщил, что в зале сидит и его сын, который завтра тоже отправится на фронт в первом отряде студентов – добровольцев. И еще Багиров сказал, что сегодня он провожает на фронт не только своего сына, но и всех, кто сидит в зале. Потому что считает их тоже своими детьми, и всё то время, пока они все до одного не вернутся в Баку целыми и невредимыми, будет для него временем тревоги и ожидания.

Когда товарищ Багиров закончил выступление, зал встал и приветствовал его бурными аплодисментами.

На концерт Сеймур не остался, он торопился на свидание с любимой девушкой по имени Севда. Они познакомились неделю назад на вечере в институте иностранных языков. Она была красавицей, и он влюбился в нее с первого взгляда. Свидание было коротким, но приятным. В связи с всеобщим затемнением, в городе не горело ни одного огонька. Море освещалось лишь бледным светом ущербной луны. Они сидели на приморском бульваре и между страстными поцелуями обещали никогда не забывать друг друга. Ему было девятнадцать лет, и на следующий день он уходил сражаться с врагами своей страны. Если бы ему сказали, что это и есть счастье, то он, конечно, согласился бы.

На перроне духовой оркестр играл марши. Провожать объединенный студенческий отряд пришел весь Баку. Мама Сеймура плакала, отец крепился, но говорил с трудом. Севда бросилась ему на шею и сказала, что любит и гордится им, потому что он самый лучший на свете. Сеймур познакомил ее с родителями, они успели побеседовать, и ему показалось, что Севда им понравилась. К нему беспрерывно подходили знакомые, кто-то поздороваться, другие прощаться. Казалось, конца этому не будет, поэтому, когда был подан состав, сплошь из новеньких плацкартных вагонов, он испытал облегчение. Представители военкомата по списку рассадили призывников по вагонам, и поезд медленно отошел от перрона.

Через два часа поезд остановился на станции «Баку - Насосная». Удивленным призывникам объявили, что здесь им предстоит пройти двухмесячные военные сборы. Поселили их в старых казармах. С первого взгляда было заметно, что прежние обитатели покинули их совсем недавно в спешном порядке. Койки были незастеленными, а на большинстве столов оставалась немытая посуда.

При казармах был учебный полигон и стрельбище. Здесь будущих фронтовиков обучали умению рукопашного боя, инструкторы вместе с ними ползали по-пластунски, показывали, как идти в атаку, и отрабатывали в окопах приемы отражения атаки противника. Утро начиналось с тренировки на стрельбище. Стреляли из винтовок и наганов. В индустриальном институте была военная кафедра, поэтому обучение на сборах далось легко, и через месяц всем бывшим студентам было присвоено звание младшего лейтенанта. День присвоения звания получился менее праздничным, чем ожидалось, потому что уже рано утром все узнали, что их объединенный студенческий отряд распущен, а новоиспеченные младшие лейтенанты группами по два-три человека направляются в различные воюющие подразделения на линии обороны, растянувшейся на тысячи километров вдоль западной границы. На место нового назначения на Украине они прибыли вдвоем, Сеймур и его однокурсник Зафар Зейналлы. В институте Зафара привыкли называть Зефиром. Начиная с первого курса, он всеми доступными ему средствами давал понять, что оно ему не нравится, но ненавистное прозвище за ним закрепилось прочно. Зефиром называли его в детском саду, кличка вместе с ним проследовала в школу, а затем и в институт. Отличник Зафар был тихий воспитанный юноша с хорошими манерами. Он никогда не сквернословил и краснел, когда сокурсники при нем употребляли слова из уличного жаргона. Сокурсники увидели его расщипавшим всего один раз, в день его рождения. Перед началом лекции группа преподнесла ему подарок – большую коробку с зефиром, на коробке была сделана поздравительная надпись с поэтической цитатой –

«Ночной эфир струит зефир». Не обращая внимания на вошедшего преподавателя, Зафар вышвырнул коробку в окно, и, громко выкрикивая проклятия в адрес самой мерзкой группы института, выбежал из аудитории. Извиниться перед ним поручили Симе Гулиевой, с которой у него всегда были хорошие отношения

– Зефирчик! - встретив Зафара в коридоре, начала Сима и тут же осеклась. Серdito отмахнувшись от Симы, Зафар зашел к декану. По причине отсутствия внятного объяснения в деканате в переходе в другую группу Зафару было отказано. Избавился он от опостылевшей группы только благодаря вероломному нападению фашистской Германии на доверчивый Советский Союз.

После того как на полutorке они добрались до места назначения, Зафар обратился к Сеймuru с просьбой. Остановив его перед входом в здание комендатуры, он вкратце изложил суть дела - сказал, что без промедления, именно сейчас хочет покончить с прошлым, так-как опасается, что унижительная для офицера кличка вместе с ним проникнет в ряды Красной Армии. Сеймур должен был обещать, впредь никогда не называть его Зефиром. Зафар был взволнован и говорил очень серьезным тоном. Сеймур тут же дал торжественное обещание навсегда забыть о наличии в природе слова зефир, после чего они зашли в здание и предъявили там документы о своевременном прибытии на службу.

В один из осенних дней 1941 года полуголые Сеймур и Зафар, сдавшие одежду команде дезинфекционной машины, терпеливо ждали, когда шипящая горячим паром машина выплюнет сданные на обработку вещи. Горячая, насквозь прожаренная форма, надетая на чисто вымытое под полутеплым душем тело, каждый раз, даже в лесу или в окопе, вызывала приятное ощущение уюта. Машина эта обычно приезжала на день-два, и к ней тут же выстраивалась очередь жаждущих чистоты. Одежда всего наличного состава стиралась и дезинфицировалась, после чего машину тут же отправляли в другие части, но на этот раз по всему было видно, что увозить ее никто не собирается.

По причине неприбытия полевой кухни, наличному составу довольствие и в этот день было выдано сухим пайком. Сеймур и Зафар разломали брикеты пшенной каши, залили их крутым кипятком и прикрыли алюминиевые миски тарелками. Пайковые двадцатиграммовый кусочек масла и соль, добавленные в поспевшую горячую кашу, превращали ее на вкус изголодавшихся за сутки людей в изысканное блюдо. Кашу полагалось заедать сухарями из черного хлеба, но истинные гурманы предпочитали съесть их отдельно на десерт, запивая это хрустящее лакомство компотом из сухофруктов. Обеденный перерыв подходил к концу, друзья все еще молча пребывали в состоянии мрачного ничегонеделания. События в последнее время происходили невеселые, но говорить об этом не хотелось. Последнюю неделю на позиции ни разу не появилась полutorка военно - полевой почты, и оказалось, что это даже неприятнее, чем отсутствие кухни. Из дому писем теперь никто не получал, а треугольники своих неотправленных писем бойцы постоянно носили при себе. К приходу Глеба Харламова Сеймур и Зафар отнеслись спокойно. Все трое были в звании младшего лейтенанта, и поэтому его появление на поляне приветствовали, не отдавая чести. Человек он был веселый и общительный, считался опытным офицером, много курил, и видимо в связи с этим часто и надрывно кашлял. Бросать курить он не собирался, так как был убежден, что

всем, кто вынужден постоянно заниматься усиленной умственной деятельностью, курение необходимо. Глеб Харламов в первые же дни войны ушел на фронт добровольцем со второго курса сельскохозяйственной академии, и считалось, что он лучше всех разбирается в вопросах сельского хозяйства. Поэтому на улаживание проблем хозяйственного свойства с местным населением полковое начальство обычно отправляло его.

- Отдыхаете?

- Ведем полемику, - объяснил Зафар, - можно сказать, научную. Вроде все ясно, а договориться не можем.

- Poleмика это хорошо,- похвалил Глеб,- О чем речь, в двух словах?

- Вопрос простой, - сказал Сеймур,- Короче говоря, как по-твоему, водились ли у королевских мушкетеров вши?

Глеб тщательно растер о землю докуренную самокрутку и одновременно зашелся в затажном приступе кашля, было видно, что он тянет время.

- Мнений у нас в основном два,- сказал Сеймур, - я, например, считаю, что с учетом полевых условий среди мушкетеров вшивые встречались сплошь и рядом.

- Тут ты ошибаешься,- голос Глеба, обрел привычную уверенность. – Подумай сам, мушкетеры были офицерами и кавалеристами. Верно? А у офицеров вшей быть не должно. Они все в основном ходят порознь. Я сам читал специальную инструкцию, там дословно сказано, что насекомые заводятся в условиях скопления людей в замкнутом пространстве. То есть в пехоте случаи завшивления бывают, а у тех, кто не скапливается, например, у летчиков или у тех же кавалеристов, вшей не должно быть. Всё ясно?

- Ясно, но нуждается в проверке – с сомнением сказал Зафар.

- Это можно. В Дубках, в полутора километрах отсюда расквартирован кавалерийский полк, давай сходим туда, и спросим там у любого кавалериста, есть ли у него вши, - предложил Глеб.

Сеймур неодобрительно покачал головой:

- Кавалеристы, они все нервные. Поэтому как спросите, бегите со всех ног. Не дай бог, догонят, – посоветовал Сеймур. – Короче говоря, Зафар, не будь занудой, отдай махорку. Глеб победил.

Глеб был заядлый спорщик, друзья постоянно придумывали для него новые темы, и делалось это исключительно для увеселения души.

Теперь молчали все трое. Отчетливо был слышен звук мотора вконец обнаглевшего самолета – разведчика со свастикой на крыльях, второй раз пролетевшего без сопровождения на небольшой высоте.

- Не нравится мне все это,- оглянувшись по сторонам, сказал Глеб.

- Что именно?

-Всё не нравится.

- У меня в Баку приятель был, Элик Казиев, когда ему вокруг всё не нравилось он обычно говорил: «хаты нет, денег нет, кругом шашнадцать!» - вспомнил вдруг Зафар.

- Дурак набитый твой Эдик! - раздраженным тоном сказал Глеб.

Сеймур внимательно посмотрел на Глеба:

- Плохое настроение?

- А ты не чувствуешь, что происходит?

- А что происходит?

- В том-то и дело, что ничего. В каждой роте половина состава, а то и меньше. Пополнение ждем, не дождемся, где оно? То же самое боеприпасы. В нагане четыре патрона, на сегодня это все мое вооружение. Радиосвязи нет, ни с кем связаться не можем. Сидим как на острове. Немцы же нас голыми руками возьмут. Не пойму только, чего они ждут.

Зафар ждал, что скажет Сеймур. Сказанное Глебом уж очень сильно напомнило то, от чего чуть ли не ежедневно их предостерегал с плакатов суровый политрук, прижимающий к губам указательный палец: «Враг не дремлет!» или «Болтун находка для врага» и «Провокаторов за ушко на чистую воду!», но Сеймур слушал Глеба, не возражая.

А тот не мог остановиться:

- У артиллеристов всего два грузовика, и на тех нет бензина, пушки приходится разворачивать вручную.

- Это артиллеристы тебе рассказали?- недоверчиво спросил Зафар.

- Мне и фашисты ничего не рассказывают, только я по ночам слышу с их стороны автоматные очереди. А у наших бойцов только винтовки Мосина, и те без боекомплекта.

Все молчали. В наступившей паузе Глеб спросил у Зафара:

- Напомни-ка, что говорил твой приятель Эдик на счет денег и хаты.

- Он не Эдик, Элик его зовут. И он не дурак.

- Это хорошо, что не дурак. Ну!

- «Денег нет, хаты нет, кругом шашнадцать!», повторил Зафар.

- Вот именно! Кругом шашнадцать! - мрачно повторил Глеб. - Прошлую ночь с той стороны было слышно, как подтягивается тяжелая техника, а у нас на сегодня за ударную силу только кавалерия.

- Лучшие танки производятся в Советском Союзе. И прямо с конвейера своим ходом идут на фронт! Я сам читал в «Вестнике фронта», – возмутился Зафар.

- А где они?- в поисках танков Глеб, вытянувшись во весь рост, огляделся по сторонам, - Не видно танков.

- Извини меня, Глеб, но сегодня тебя понесло не в ту степь, совсем не в ту! Скажу откровенно, я с тобой не согласен! – сказал Зафар.

-В чем не согласен?- удивился Глеб.

- Извини, во всем не согласен,- внушительным тоном отчеканил Зафар,- Сеймур, ты идешь?

- Нет.

-Ты иди. Мы с Сеймуром еще побеседуем,- сказал Глеб, чем окончательно испортил настроение Зафару.

- Уже и в своем окопе нет покоя,- ни кому не обращаясь, недовольно пробормотал Зафар, направляясь в сторону землянки.

Оставшись наедине с Сеймуром, Глеб поделился с ним результатами своих наблюдений. По мнению Глеба, в руководство армии проникла группа диверсантов, которая, безнаказанно орудуя со знанием дела, лишила боеспособности части, которым предстоит защищать от наступления фашистов этот участок фронта. Обо всем этом Глеб собирался подробно сообщить в письме товарищу Сталину. Он был очень взволнован, у него горели глаза, но мысли свои он излагал четко и понятно.

- Ты думаешь, письмо до него дойдет? – спросил Сеймур.

- До верховного Главнокомандующего? Не сомневайся, письмо, посланное полевой почтой, товарищу Сталину передадут. Подпишутся еще несколько офицеров, я с ними договорился. Ты подпишешь?

- Да, - сказал Сеймур,- Где письмо?

- Иду писать, к утру будет готово. Завтра, наверное, почта появится.

- А тебе известны имена диверсантов? Хотя бы одного?

- Нет. Но я знаю, что они есть. Ты разве не видишь, что они здесь творят? Стольких уже разоблачили и расстреляли, предателей генералов и полковников, а они все никак не уймутся. Мы же с тобой вместе подробно обо всем читали!

- Читали. Помнится мне, что предатели в приказе были указаны поименно. Поэтому мне кажется, что будет убедительнее, если мы напишем о том, что здесь на наших глазах происходит, укажем факты, которые нам известны. А фактов много. Я думаю, так будет лучше. А кто конкретно предатель или вредитель, пусть выявит командование, – подумав, сказал Сеймур.

- Командование может подключить контрразведку или военную прокуратуру,- согласился Глеб.- Ты прав, завтра передам письмо из рук в руки Виталику Самойлову, почтарю нашему, он не подведет, доставит по адресу. Ладно, спасибо за совет. Пойду составлять донесение. Не знаю только с чего начать.

- Ну, что ты сказал Глебу? – спросил Зафар, как только в землянку протиснулась голова Сеймура.

- А что я должен был сказать?

- Все, что думаешь о его вредной болтовне? Нам все равно придется давать показания перед военным трибуналом. Глеб вел антисоветскую пропаганду, а мы с тобой слушали его

и не арестовали. Причем молчали, развесив уши, то есть как бы соглашались с ним. Тебе известно, что за это полагается?

- Не преувеличивай, если на Глеба донесут, трибунала не будет, все обойдется военно-полевым судом, - доброжелательным голосом объяснил Сеймур.

Зафар внимательно посмотрел на приятеля:

- Ты, кажется, согласен с тем, что говорил Глеб?

- Если честно, я с ним не во всем согласен, - подумав, серьезным тоном сказал Сеймур, - например, наш друг Глеб при тебе сказал, что в барабане его нагана осталось четыре патрона, а теперь вот смотри, в моем револьвере всего три. Видишь, у меня с ним серьезные расхождения.

- Извини, если это шутка, то неудачная. Ты подумай лучше, что нам теперь делать?

- Воевать. Окопы рыть, - увидев выражение лица Зафара, шутить Сеймuru расхотелось.

- Ты лучше подумай, что о нас скажут в Баку, если узнают, что мы с тобой разоблачены как враги народа, - чувствовалось, что Зафар встревожен по настоящему.

- Успокойся, никого еще в нашей стране зря не разоблачали и не обвиняли. Ты же читал конституцию?

- Не успел, - сказал Зафар, - Собирался, но не успел.

- Я тоже не читал, но знаю, что она не зря называется сталинской. Так что успокойся, никто нас разоблачать не будет, потому что ни Глеб, ни мы, ни в чем не виноваты.

Ссылка на конституцию Зафара не убедила.

- Еще как виноваты! Мы слышали, что он говорит, и не остановили его. Что теперь делать?

Сеймuru надоело спорить:

- Да, я слушал его и не возражал. Потому что Глеб прав, и я во всем с ним согласен.

Зафар был очень испуган и расстроен:

- Посмотришь. Это кончится очень плохо, - тихо сказал он. О Глебе в тот день они больше не разговаривали.

Ночью Сеймур прочитал письмо, написанное Глебом. Под ним стояли подписи четырех офицеров. Сеймур подписал его и положил в планшет, утром он собирался вернуть его Глебу. Но послать письмо Сталину они не успели. Позиции начали бомбить в пять часов утра. Десятки самолетов, выстроившись как на параде, на низкой скорости проходили над их головами ряд за рядом. Пронзительный вой и удары падающих бомб сливались в звук, невыносимый для человеческого уха. Люди прятались в окопах, душераздирающий визг и оглушительный грохот лишил их воли, и они лежали там, прижавшись к спасительной земле, не силах заставить себя поднять голову и осмотреться по сторонам.

Бойца, не успевшего спуститься в укрытие, жесткой воздушной волной подбросило на полметра и отшвырнуло в сторону. Он был уже мертв еще до того, как с размаху всем телом

ударился плашмя о дно траншеи, и теперь лежал на спине, уставившись в небо глазницами с вытекшими глазами.

Внезапно взрывы прекратились. Несмотря на затихающий гул удаляющихся бомбардировщиков, казалось, что наступила полная тишина. Обитатели окопов стряхивали с себя песок и налипшие местами к одежде сырые комья глины. Со стороны противника как будто из-под земли вдруг выросли цепи немецких солдат. Уже через несколько минут все пространство перед окопами было усеяно идущими во весь рост в атаку шеренгами фашистских пехотинцев. По ходу они беспорядочно стреляли и, то ли для устрашения врага, то ли ради усиления боевого духа, молодецкими голосами пели неизвестную в здешних окопах грозную боевую песню.

По команде командиров красноармейцы вышли им навстречу. В атаку пошли все, в окопах остались лежать только раненые и контуженные. Недалеко от роты Сеймура, опередив своих бойцов, шел Глеб. «За Родину, за Сталина!», кричали все, но их перекрывал высокий голос Глеба. Глеб замолк за несколько мгновений до того, как атакующие с двух сторон сшиблись в ближнем бою. Короткая очередь из автомата, выпущенная с двух метров, разнесла на части его череп.

А потом на его глазах убили Зафара. Потрясенный Сеймур бросился к нему, но, оглушенный сильным ударом приклада в голову, рухнул как подкошенный. Когда пришел в себя, над ним стоял солдат и с усмешкой прокручивал барабан его нагана, в котором не было ни одного патрона.

Все происходило как во сне. Немцев оказалось в десятки раз больше, и они неторопливо, в упор расстреливали наступающих. Скоро стрельба прекратилась, и немцы стали сгонять безоружных пленных в колонну. Раненых пристреливали там же, где они лежали. Ощущение сна усиливалось тем, что победители по очереди с улыбкой фотографировались над телами поверженных врагов. Снимались в одиночку и небольшими группами. Бросались в глаза их добротное обмундирование и автоматы, которыми все они были вооружены. Немцы были как на подбор рослые, упитанные и веселые.

У всех мировых религий есть один общий недостаток: описанный в них ад в глазах профессионального грешника выглядит как исправительное заведение, при создании которого были недостаточно продуманы существенные детали. Вечное медленное горение в огненной геенне или столь же долговременное пребывание в кипящем котле, так же как другие разновидности вечных мук, поначалу действительно производят сильное впечатление, но только на людей с хорошо развитым воображением, среди которых, как правило, закоренелые грешники встречаются крайне редко. Так уж получилось, что по причине отсутствия нужного опыта люди не в состоянии представить себе, что это такое – вечность, и поэтому заведомо относятся к этим видам наказания с почтительным недоверием. Вдобавок, почти во всех описаниях ада отсутствуют упоминания о таких эффективных наказаниях, как круглосуточные пытки холодом, постоянное недоедание и каждодневно применяемые изощренные формы унижения, превращающие человека в существо без чести и достоинства. В описаниях классического ада эти и другие, еще более

изысканные наказания, естественно отсутствуют, потому что придумавшие их нелюди появились на свет гораздо позже первых организаторов ада.

Пленных привезли на грузовиках на станцию, здесь их погрузили в товарные вагоны и два дня везли в неизвестном направлении. В битком набитых вагонах отхожих мест не было. Поезд часто останавливался, но из запертых вагонов выходить не разрешалось. Поезд остановился один раз на полчаса в открытом поле. Пленных встретили солдаты с собаками, и они на глазах солдат, под злобный собачий лай справили нужду.

В открытые ворота поезд въехал на огороженную территорию с однотипными унылыми строениями. Здесь пленных, разделив на группы по десять-пятнадцать человек, стали загонять в бараки. В барак впускали по одному. У входа Сеймур получил сильный удар дубинкой, когда он обернулся, той же дубинкой получил тычок в зубы. Глядя в лицо Сеймуру, охранник злорадно ухмыльнулся и замахнулся для нового удара. И тут Сеймур совершил первую, и может быть самую серьезную ошибку за всю свою предыдущую жизнь. В прямой удар правой рукой он вложил всю ненависть, накопившуюся в нем за последние несколько дней. Охранник с разбитым носом упал, а Сеймур, прижав ладонь к разбитым губам, перешагнул порог.

Мигом набежавшие охранники скопом набросились на Сеймура. Слаженно работая дубинками, они избили его до потери сознания. Утомившись, четверо охранников отошли в сторону, но двое продолжали избивать его дубинками и ногами и после того, как он перестал подавать признаки жизни.

К лежащему на полу подошел заключенный Виктор Самарсков, здешний старожил. С помощью одного из заключенных он втащил бесчувственное тело на нары.

Бывший рядовой Виктор Самарсков попал в армию в 1939 году после того, как был исключен из 1-го московского медицинского института.

Причины, побудившие его помочь незнакомому человеку, в тот момент были неизвестны ему самому. Хотя он и знал, что такого рода проступки подлежали наказанию как за серьезное нарушение дисциплины. Никогда прежде в проявлениях благотворительности Самарсков замечен не был.

В бараке Виктор Самарсков ходил в изгоях. За три месяца пребывания в бараке за ним закрепилась репутация неуживчивого и злопамятного человека, от которого можно ждать любой пакостной выходки.

Не нравились заключенным и его частые беседы с надзирателем Збышеком. Действительно, Виктору Самарскову непостижимым образом удавалось вовлекать старшего надзирателя Збышека в беседы на религиозные темы, и тот, отложив дубинку, слушал его с мистическим блеском в глазах. В свою очередь к обитателям барака Самарсков относился с нескрываемой неприязнью. Он презирал их за покорность и угодничество и знал, что многие из них готовы донести на товарищей за лишнюю порцию еды или старое обтрепанное одеяло.

В половине пятого утра завывала сирена, и барак пришел в движение, утром заключенным отводилось полчаса на гигиенические процедуры в открытых всеобщему обозрению туалетах без дверей, с последующим вслед за этим завтраком, состоящим из стакана

кипятка и ломтя черного хлеба с кусочком жесткого, как резиновая подошва, пожелтевшего сала.

Самарсков менял на лбу Сеймура компресс из мокрой тряпки, когда к нарам в сопровождении двух помощников подошел надзиратель Збышек. Ткнув Сеймура дубинкой в ребра, он приказал надзирателям отвести «симулянта» в карцер.

И тут между ними и Сеймуром встал тщедушный рыжий Самарсков.

- Нельзя его в карцер, - сказал Самарсков, - он там не выживет.

- Это хорошо, что не выживет, - ухмыльнулся Збышек. - Встать!

Стоящий рядом с Самарсковым надзиратель толкнул его в грудь, и тот, отлетев через проход между нарами, с размаху ударился о стенку. На происходящее никто в бараке не обратил внимания, заключенные торопились проглотить завтрак до того, как прозвучит сигнал к работе.

Сеймура повели к выходу. Два надзирателя, придерживая его за локти, шли по бокам, а старший надзиратель Збышек, следуя за ними небрежной прогулочной походкой, наблюдал за соблюдением общего порядка во всем бараке.

- Камо грядеши, Домине!?! – встав во весь рост, звучным высоким баритоном вдруг возопил Самарсков.

В бараке всё замерло. Коренастая фигура в черной форме вздрогнула и остановилась. Надзиратель Збышек развернулся на месте и вернулся к нарам.

- Ты что сказал? – спросил Збышек у Самарскова. - Я не понял.

- Не я. Так сказал Бог апостолу Петру, когда тот оставил христиан на растерзание язычникам и ушел из Рима. И тогда Бог призвал апостола – Камо грядеши, Домине! Больше Бог ничего не сказал, и святой Петр ему на это ни слова не ответил. Он вернулся в Рим спасать от мученической смерти христиан.

Збышек выслушал описание явления Бога апостолу Петру с почтительным вниманием, но при этом его не сразу покинули сомнения, присущие человеку на должности старшего надзирателя.

- В библии об этом не сказано, - неуверенно пробормотал Збышек. - А ты как узнал?

- Это свидетельство святого человека земли польской, великого писателя Генриха Сенкевича.

Свидетельство писателя причем поляка, кажется, начало производить на Збышека положительное воздействие, но Самарсков не стал рисковать и тут же постарался закрепить достигнутый успех.

- В эту ночь мне опять явился скорбный лик святого Стефания, - проникновенно сказал Самарсков, - Меня бросило в дрожь, до того у него был опечаленным взгляд, устремленный на страдальца.

Збышек посмотрел в угол над нарами и перекрестился.

- Не пойму. Этого,- он показал пальцем на Сеймура, которого подвели к нему надзиратели,
- привезли сюда ночью, и ты тут же стал молить святого Стефания заступиться за первого встречного?

- Божий промысел, – глубоко вздохнув, сказал Самарсков, - В том-то и дело, что он не первый встречный. Его зовут Толик. Восемь лет мы не виделись, но никогда не забывали друг друга. Пан Збышек, вы должны знать всё! Мы с Толиком родились в один день в одной палате калужского роддома. Пьяная медсестра перепутала при рождении младенцев, и мы до сих пор не знаем, кто из нас он, а кто из нас я, то есть кто из нас настоящий Виктор, а кто Толик. Поэтому родители решили нас не разлучать, и мы вместе с родителями жили в одном в доме. Потом родителей неизвестно кого, то ли Анатолия, то ли Виктора, арестовали и сослали в Сибирь. Они до сих пор там. Наша встреча здесь это божий промысел, и ночью во взгляде святого Стефания я прочел, что сотворение этого чуда угодно Богу и будет зачтено пану Збышеку как при жизни его, так и впоследствии.

Сеймур не мог себе представить, что к истории о младенцах в роддоме можно отнестись всерьез, но слова Самарскова подействовали на старшего надзирателя Збышека как гипнотическое внушение. Выслушав историю о происшествии в калужском роддоме, он, задумчиво, сосредоточенно пожевав губами, спросил:

- А за что их в Сибирь?

- Пану Збышеку известно, что большевики отменили веру в Бога?

- Слышал об этом, но думал, что такого не может быть, – побагровев от возмущения, сказал Збышек.

- Из-за того, что церкви в нашей стране закрыты, они молились дома, – с невыразимой печалью сказал Самарсков. - Соседи безбожники донесли на них. Родителям дали двадцать четыре часа на сборы. Остальным двум родителям и нам, то есть Толику и Виктору, провожать их запретили. Обычное дело в СССР. – Самарсков долго и вдохновенно рассказывал о страданиях верующих, рассказал он в подробностях и о том, как большевики взрывали храм Христа спасителя, свидетелем чего, по его словам, он был. Говорил он беспрерывно, не делая пауз и без сбоев, Сеймуру даже показалось, что впавший в странное состояние Самарсков не сумеет сам остановиться, и может быть, ему надо помочь, но все обошлось.

- Молитесь и радуйтесь, пан Збышек, что вы живете в благословенной Польше, - сказал Самарсков прослезившемуся надзирателю, и на этом сеанс был закончен.

- Матка боска Ченстоховска, сбереги от большевиков Польшу и всех нас. – Збышек перекрестился. - Помяните мои слова, изверги рода людского будут наказаны,- торжественно провозгласил Збышек.

- Аминь,- звучным эхо отозвался Самарсков.

Еще раз перекрестившись, Збышек, поигрывая дубинкой, пошел к выходу исполнять и дальше служебные обязанности.

В опустевшем бараке они остались вдвоем. Самарсков сказал Сеймуру, что можно быть спокойным, Збышек не подведет и сделает все как надо. По его словам, добивать Сеймура

никто не придет, и сегодня его ни в карцер, ни в карьер не погонят. Самарсков говорил беспрерывно. По ходу продолжительного монолога, изредка прерываемого ответами Сеймура, дополнительно выяснилось, что Виктор Самарсков очень любопытный человек, любопытство было всеобъемлющим, но в это утро он интересовался главным образом конкретными сведениями и фактами, связанными с Сеймуром. Сеймур на вопросы отвечал медленно, слегка приоткрывая рот, потому что на малейшее движение острой болью отзывались челюсти и мышцы лица, кроме того, ему очень хотелось спать. Самарскову он был благодарен, но преодолеть дремоту оказался не в силах.

- Извини,- прервав собеседника на полуслове, объяснил он, - это оттого, что очень уж тянет ко сну.

- И правильно. Поспать необходимо. Ты мне только скажи напоследок, из-за чего ты затеял драку с охранником?

У Сеймура прошел сон:

- Он первый на меня набросился с дубинкой, я его ударил в ответ. А что я мог сделать?

- Непонятно. Дубинкой здесь каждый день бьют всех и все до одного терпят. Трусливые рабы! Даже огрызнуться никто не смеет. Презираю! А ты на глазах у всех подрался с охранником.

- Ты лучше посмотри сюда, результат драки лежит перед тобой и с трудом разговаривает.

- Вот-вот, это и непонятно, Ты же знал заранее, чем всё кончится?

- Ничего я не знал, - искренне сказал Сеймур, - Он ударил, я, как полагается, ответил. Ты мне лучше объясни, этот надзиратель, пан Збышек, такой наивный и добрый человек от природы или стал таким в лагере?

- Надзиратель Збышек садист и религиозный фанатик - усмехнулся Виктор.- Я не понравился ему с первого взгляда, и он без всякого повода прохаживался по мне дубинкой по несколько раз в день. А я, между прочим, ни разу не посмел даже пикнуть. Этот Збышек без всяких причин, ради садистского наслаждения, искалечил несколько заключенных. Их унесли на носилках, больше их здесь не видели. Збышек тяжелый дегенерат. Здесь все надзиратели выраженные дегенераты. Немцы молодцы, для меня загадка, как им удалось собрать в одном месте столько дегенератов. Сплошная клиника.

Сеймур молча ждал продолжения.

- Объясняю. - сказал Виктор. - Если человек хочет выжить, он обязан использовать ради этого любую случайность. А я хочу выжить. В тот день я был в туалете и случайно услышал, как во дворе за окном Збышек жалуется другому надзирателю, западному украинцу Опанасу, на то, что ему отказали в двухдневном отпуске, зная, что жена его на сносях, вот-вот должна родить, а присмотреть за ней кроме глухой бабки некому. Я сразу сообразил, как можно использовать инстинкт размножения дегенерата. Вечером того же дня я отозвал Збышека в сторону и специальным вещательным голосом сообщил, что мне было видение с ним и его беременной женой. Это его поразило. На этом я не остановился и тем же вещательным голосом предсказал, что с благословения святого Стефания жена вот-вот благополучно разродится сыном. Ночью родился сын весом в четыре с половиной

килограмма, а с утра он сходил в собор и зажег свечку во славу святого Стефания. Мальчика мы решили назвать Стефаном.

- Кто это мы?

- Я и Збышек.

- Красиво! Очень красиво! – одобрил Сеймур,- Я вот только не очень понял, как ты догадался, что у него родится сын, причем в ту же ночь?

- Ты, кажется, хотел спать? – как бы вскользь напомнил Виктор.

- Расхотелось. Серьезно, как ты догадался, что родится сын, а не дочь?

- Ничего я не знал. Конечно, я рисковал. Ну и что? Если бы я ошибся, и родилась дочь, то ничего плохого не случилось бы, ну ошибся святой Стефаний, с кем не бывает. А святой не ошибся, и с тех пор я, когда захочется, использую тупость и мракобесие в благородных целях. До просьб не унижаюсь, только советую и одобряю. В конце концов, развитый интеллект выше всего,- сказал Самарсков и в его зеленых глазах на веснушчатом круглом лице засветилось самодовольство. – Чьи это слова, не помнишь?

- Само собой, святого Стефания, но я с тобой согласен. Молодец! До сих пор, как вспомню, дрожь по коже пробегает. Камо грядеши, Домине! Это же еще суметь надо с такой сокрушительной силой выкрикнуть слова Бога!

- Да, это я умею, - сказал польщенный Виктор, - После того как я сыграл роль Гамлета в институтском театре, режиссер предложил мне придти к нему для пробы в театр имени Ермоловой, но я отказался. В артисты меня не тянет, а тогда у меня было лишь одно желание – стать врачом психиатром. Хочешь послушать монолог Гамлета в моем исполнении?

- Как-нибудь в другой раз, - вежливо отказался Сеймур. Он подумал, что Виктор может обидеться, и решил исправить ситуацию,- Ты лучше расскажи, почему ты ушел из института? - исключительно из вежливости спросил.

- Потому что выгнали, - сказал Виктор,- а через месяц я загремел в армию рядовым строевой службы. Я бы с удовольствием рассказал, за что исключили, но не могу. Не обижайся, для откровенного разговора у нас с тобой слишком короткий стаж знакомства, а тема болезненная и щекотливая. Расскажу. В свое время.

- Какие могут быть обиды, - испытал облегчение, ответил Сеймур, - Подожду.

Рабочий день в карьере продолжался двенадцать часов, заключенные дробили в щебень камень, надзиратели - поляки и западные украинцы - наблюдали за качеством работы, а состоящая из немцев охрана следила, чтобы никто не сбежал.

Истощенные люди умирали, как мухи, от воспаления легких и простуды. Больные туберкулезом своей смертью не умирали, по приказу санитарного врача заболевших выводили из барака, а их постель сжигалась. Очень часто с виду здоровые, без признаков болезни люди ложились вечером спать, а утром не просыпались.

За два года, что Сеймур и Виктор прожили в лагере, построенном в неизвестной им части Польши, время от времени случались побеги. Чаще всего заключенные пытались бежать ночью. Это были отчаянные бессмысленные попытки любой ценой вырваться на свободу, и ценой этой каждый раз становилась их жизнь. Вырваться за пределы лагеря никому не удалось, тех, кто не погиб, убегая, расстреливали утром на глазах всего лагерного населения.

Однажды в сопровождении лагерного охранника немца в карьер пришли двое военных в эсесовской форме. После короткого разговора охранника с надзирателем Сеймуру было приказано бросить работу и идти с приезжими военными. Задавать вопросы надзирателям с дубинками было бессмысленно, кроме того, Сеймуру было безразлично, куда его поведут, лишь бы подальше от карьера. Он положил кувалду на холм из щебня, поискал глазами Виктора, но не увидел его, и вместе с конвоирами прошел мимо охраны с овчарками к ожидающему их черному автозаку без окон.

Дорога до деревни заняла минут двадцать. Машина остановилась у одноэтажного здания с вывеской на польском языке. Сеймура ввели в комнату, похожую на приемную кабинета начальника средней руки, где один из конвоиров прошел в кабинет и закрыл за собой дверь, а второй, не спуская глаз с Сеймура, сел в кресло, стоящее у выхода. Автомат лежал у него на коленях. Ждать пришлось недолго.

В комнате его ждали два человека в штатской одежде. Один из них сидел за большим письменным столом, у него было интеллигентное холеное лицо, усы. На вид ему было лет сорок. Второй, переводчик с неприметной невыразительной внешностью, был одет в двубортный темно-серый костюм. Он расположился так, чтобы одновременно видеть обоих собеседников.

Судя по их городскому лоску и двум нераспакованным кожаным чемоданам на полу можно было предположить, что прибыли они сюда недавно и, скорее всего, на короткое время.

Сеймур даже отдаленно не подозревал, зачем его позвали, но ничего хорошего от встречи он не ждал.

Оба они приветливо поздоровались с Сеймуром и пригласили сесть в кресло у стола. Сеймур запомнил имена новых знакомых. Старшего звали Иоганн Шведенклей, младшего Николай Астапчук. Конвоир по знаку переводчика Астапчука вышел, а вместо него пришла молодая официантка, которая принесла три чашки кофе. Кофе был сплошь цикорным, но Сеймур выпил его с наслаждением, напиток показался ему очень вкусным. В плену Сеймур научился с первого взгляда со стопроцентной точностью определять вероятность очередного избиения. Здесь он понял, что бить не будут, и поэтому позволил себе расслабиться, удобно усевшись в темно-бордовом кожаном кресле.

Шведенклей, обращаясь к Сеймуру, не отводил от него цепкого взгляда. Говорил он медленно, так, чтобы за ним поспевал переводчик.

Сеймур узнал много интересно. Шведенклей объяснил ему, что война с Советским Союзом - это великая миссия, которую добровольно взяла на себя Германия. Цель этой трудной миссии - освобождение народов, поработанных Россией. Через полгода на территории союзных республик будет установлен новый порядок, они станут независимыми

государствами, а все народы, населяющие их, получают право самостоятельно распоряжаться своей экономикой и природными ресурсами, так как будут навсегда избавлены от грабительского диктата России. В качестве наглядного примера Шведенклей привел Азербайджан, чьи несметные богатства, получаемые от нефти, на протяжении многих лет присваиваются русскими. Шведенклей подкреплял свое повествование цифрами и фактами, и перед внутренним взором Сеймура все отчетливее и ярче возникала заманчивая картина независимого Азербайджана. Сеймур слушал внимательно и одновременно пытался догадаться, зачем Шведенклею понадобилось тратить свое красноречие и время на бесполезного во всех отношениях военнопленного.

Казалось, Шведенклей разгадал его мысли. Он сказал, что война закончится весной будущего года. Поэтому командование германской армии уже приступило к формированию национальных дивизий, которым, совместно с армией - победительницей, предстоит участвовать в освобождении своих народов. Для этих дивизий тщательно отбираются из массы военнопленных перспективные люди, которые после окончания войны могли бы участвовать в управлении своей страной. Шведенклей сказал, что ему поручено предложить бывшему советскому офицеру Сеймуру Рафибейли принять участие в освобождении своего народа. Он ткнул пальцем в папку с личным делом Сеймура и сказал, что ему известно о том, что Сеймур принадлежит к известной семье, которая пользуется в Азербайджане почетом и уважением. Известно также, что имущество его деда, нефтепромышленника и землевладельца, было присвоено большевиками. Естественно, после провозглашения независимости конфискованное имущество будет возвращено семье.

Азербайджанская дивизия, по словам Шведенклея, на днях уже была сформирована почти полностью. Сеймуру будет предоставлена возможность войти в командный состав дивизии, которой через полгода предстоит вместе с германской армией войти в Баку и установить в Азербайджане новый порядок.

Шведенклей сообщил Сеймуру, что все без исключения пленные офицеры, которым было сделано это предложение, восприняли его как честь и поклялись оправдать доверие великой Германии.

Сеймур ответил не сразу, потому что совсем некстати в его голове калейдоскопом прошли отрывки увиденного недавно – вначале он увидел голову Глеба, превратившуюся в розовое месиво из крови и мозга. На смену этому явился умирающий на земле Зафар, до которого он не добежал. Он увидел солдат, которые позировали, стоя над неостывшими трупами красноармейцев. И еще по необъяснимой причуде сознания перед его глазами промелькнули праздничные проводы уходящих на фронт призывников в театре оперы и балета.

В заключение Шведенклей сказал, что офицеры национальной дивизии будут получать такую же зарплату и пользоваться теми же льготами, как равные им по рангу офицеры германской армии. Наступило молчание. Тем временем он перебрал несколько вариантов ответа и ни один из них ему не понравился. Он подумал, что ему самому показалось бы странным, если он, Сеймур, взрослый человек, которого на протяжении нескончаемых двух лет представители «освободительной армии» избивали, пинали ногами и называли красным ублюдком, примет сделанное ему предложение. Не стал говорить и о лютой

ненависти, которую он испытывает днем и ночью к фашистской армии и к ее миссии, в чем бы она не состояла.

Николай Астапчук придвинул к Сеймuru ручку с чернильницей и лист с текстом заявления о желании вступить в азербайджанскую дивизию и показал где подписаться.

Сеймур машинально взял у него ручку, но в чернильницу ее не макнул.

- Я очень благодарен за ваше предложение, но, я надеюсь, вы согласитесь с тем, что я не могу его принять, - медленно произнося каждое слово, сказал Сеймур. - Видите ли, я в присутствии двух тысяч солдат давал присягу на верность своей стране. Я не могу ей изменить. Это невозможно! По моему убеждению, офицер, нарушивший присягу, обязан застрелиться. - последнее предложение показалось ему наиболее убедительным.

Лицо Шведенклея оставалось невозмутимым.

- Я считаю, что вы приняли неправильное решение.- равнодушно сказал он. – Но мы никого не уговариваем. О нашем разговоре забудьте. Обращаться к вам в дальнейшем мы не будем.

В передней переводчик Астапчук что-то сказал конвоиру, и тот, кивнув головой, вышел на улицу. Сеймuru это не понравилось. Переводчик сам проводил его до выхода.

- Я вам все-таки советую принять наше предложение. В силу обстоятельств его нельзя будет повторить даже при желании.- сказал переводчик.

- Да, конечно, я понимаю, но, к сожалению, согласиться не могу, - с грустным видом сказал Сеймур, думая о том, что его ждет улице.

Ничего не произошло. В том же автозаке его отвезли в лагерь. Там солдаты сдали его охране, после чего втолкнули в барак и захлопнули за ним дверь.

Витек сидел на нарах, с мрачным видом держась за окровавленное ухо. Увидев Сеймuru, он изобразил удивление.

- Извините, вы кто?

- Не узнал? Братец Кролик пришел навестить братца Опоссума. Проходил мимо, постучался. Что с ухом?

- Побочный эффект... Дубинкой задело. Спросил Казимира, куда ты исчез, а он мне сказал «пся крив!» и дубинкой дал два раза по спине, теперь не могу поднять руку. Слушай, говорю серьезно, я хочу убить Казимира.

- Хоти, хоти. Ты убьешь одного дегенерата, а другие дегенераты через десять минут повесят тебя. Это невыгодно.

- Кому невыгодно?

- Мне невыгодно. Когда отсюда выберемся, не знаю, как, но выберемся, вот тогда мы с ними посчитаемся.

Витек скривился от боли, он смеялся.

- Слушать приятно!... Лучше расскажи, где тебя носило?

- Обычное дело, позвали на чашку кофе.

- С одной стороны ты поступил глупо, как последний, ну, скажем, несмышлениш, а с другой - абсолютно правильно, то есть очень мудро и дальновидно, - сказал Витек, выслушав рассказ Сеймура.- Если бы ты согласился пойти к ним на службу, то со временем у тебя появился бы шанс сбежать. Теперь ты, как был, так и остался жалким остбайтером, а мог бы стать процветающим предателем Родины. Это с одной стороны. А с другой, вернувшись сюда, ты не дашь умереть в одиночестве своему несчастному другу Виктору Самарскову, который день и ночь мечтает хотя бы перед смертью съесть опоссума в жареном или вареном виде. А чего хмуришься!

- Вспоминаю одну фразу переводчика Астапчука. На прощанье он сказал, что в силу обстоятельств, меня больше не позовут. Я почувствовал, что сказано это неспроста. Узнать бы, что это за обстоятельства ожидаются.

- Обстоятельства налицо. Котлован вырыли, фундамент забетонировали!... Товарищи фашисты перестреляют всех к чертовой бабушке, вот и все обстоятельства!

Виктор замолчал, когда перед ними появился взбешенный Збышек. В правой руке он держал дубинку, а левой размахивал листом бумаги.

- Что это?- он сунул в лицо Виктору лист бумаги.

- Не знаю, я по-немецки не понимаю.

- Это разрешение на ввоз в лагерь заключенного, - Збышек по слогам прочитал имя заключенного,- Сей-мур Ра-фи-бей-ли. Получается он не Толик? Значит, ты меня обманул?

- Пан Збышек зря волнуется,- сладчайшим голосом сказал Виктор, - это невозможно обмануть пана Збышека.

- Разрешение на выезд и въезд в лагерь выдают немцы. Был бы он Толик, они бы написали Толик. Немцы никогда не ошибаются!

- Никогда не ошибается только Папа римский! Будь Папа римский здесь, в нашем бараке, он объяснил бы пану Збышеку, что одни имена иногда заменяются другими.

- Здесь? Его святейшество... - сбитый с толку Збышек торопливо перекрестился.

Виктор явно наслаждался произведенным эффектом:

- Напомните, как зовут его святейшество? – попросил он Збышека.

- Пий 12, храни его Бог!

- А ведь у папы римского есть и второе имя, то есть первое?

Настоящее имя Папы римского истово верующий католик Збышек вспомнил не сразу.

- Пинелли,- запинаясь, сказал он.

- Не совсем так, но в целом пан Збышек прав. Его звали Джованни Пачелли. Нам это объяснили в институте безбожники из политпросвета, и я запомнил. Убедились, у его святейшества Папы римского два имени.

Если ворвавшийся минуту назад в барак надзиратель Збышек был похож на разъяренного быка, то теперь, после разговора о Папе Римском, он больше напоминал добродушного вола, покорно поедающего отруби.

- Пан Збышек когда-нибудь слышал имя – Ленин!?

- Кто ж его не слышал? Имя посланника Сатаны!

- У пана Збышека сведения в целом почти верные, но товарищ Ленин признан также вождем всемирного пролетариата. На Волге среди татар он жил под именем Ульянов, а как переехал в Москву сразу стал Лениным. Все из-за того, что СССР состоит из республик. Пану Збышеку трудно представить себе, какие строгие законы в республиках. Вот я, например, Самарсков, если переехал бы на Украину, то меня переименовали бы там в украинца Самаренко. Толян в Калуге был Толяном, а в Азербайджане его сразу же переименовали в азербайджанца Сеймура Рафибейли. В Польше, наверно, не так?

- Не так. Божьей милостью я и в Кракове Збышек, и в Варшаве.

Оба они вздохнули с облегчением лишь после ухода надзирателя.

- Ты обратил внимание - всем заключенным для удобства дают прозвища, - сказал Виктор,- Ты не против, если я буду тебя называть Сейка. Правда, здорово. Звучит как выстрел. Сейка! Ты тоже можешь называть меня как хочешь.

- Я вспомнил Виктора Волкова, отличный парень, его в школе звали Витносным.

- Витносный мне не нравится.- наотрез отказался Виктор от нового прозвища.

– Ему тоже не нравилось. Всё. Теперь ты Витёк

Витек поморщился, но возражать не стал. Так и решили.

Спустя месяц, когда они работали на карьере, к ним подошел надсмотрщик Казимир и повел их по направлению к лагерю.

- Будь человеком, не дерись,- издали начал Виктор.- Хочу тебя спросить.

- Будь человеком! Пся крев! Я и так человек,- мирно прорычал Казимир, это могло означать, что сегодня он настроен на конструктивный разговор, - чего тебе?

- Только узнать, куда мы идем?

- Вас вызвал пан Збышек.

- Что-то случилось?

Казимир насмешливо оглядел Виктора.

- А сам догадаться не можешь? Ты же все наперед знаешь?

- Всё не всё, но про нас троих кое-что сказать могу.

- Ну?

- Внимательно посмотри на меня. Видишь? Знай, я умру в ноябре от воспаления легких, Толян проживет дольше, дотянет до будущего года и умрет в страшных муках от заражения крови, – вещательным, с легким подвывом в голосе сказал Виктор, глядя на ненавистную казимирову дубинку. - А тебя в ноябре заберут на фронт. Именно в начале ноября.

Побледневший надзиратель шел рядом.

- Наверно заберут, если лагерь закрывается, - вслух подумал Казимир.- Меня убьют там?

- Ночью я все разузнаю, а утром расскажу, - пообещал Виктор нормальным голосом,- Ты только скажи, когда лагерь закроют.

- Сказали, что скоро. Только о фронте разговора не было. Смотри, как все обернулось, – надзиратель заметно сник и выглядел крайне озабоченным.

Ничего нового о своей фронтовой судьбе Казимиру узнать не удалось, потому что утро следующего дня Виктор и Сеймур встретили в товарном вагоне, который вез их во Францию, на германский военный завод. Збышек под большим секретом сказал Виктору, что в связи с нехваткой продовольствия в Германии и на фронте их лагерь закрывается, а сорок три человека, в том числе Виктор и Сеймур направляются туда, где нужны дополнительные трудовые ресурсы. О том, что будет с остальными обитателями лагеря, Збышек ничего не знал. На прощанье Збышек в виде подарка дал Виктору несколько крупных картофелин, два пайковых куска сала и полкаравая хлеба. При этом он, заглядывая Виктору в глаза, попросил при возможности замолвить за него словечко перед святым Стефанием. О дальнейшем трудоустройстве пана Збышека немцы пока не говорили, поэтому будущее представлялось ему неясным и тревожным.

В тот же день перед отъездом заключенным выдали ботинки, изготовленные из эрзац кожи.

Ехали в товарном вагоне с оборудованными внутри двухэтажными нарами. Решетчатая перегородка отделяла небольшое караульное помещение с четырьмя охранниками от остальной части вагона. Пассажирам – сорока трем заключенным мест хватило на всех. Кроме Сеймура и Виктора ни одного обитателя четвертого барака в вагоне не оказалось.

Подарок Збышека - три свертка с едой – были завернуты в газетные листы на немецком языке. Немецкий язык Сеймuru довелось изучать в раннем детстве на протяжении двух недель во втором классе, прежде чем его перевели из общеобразовательной сто семьдесят первой в 28 экспериментальную школу в районе проживания, в которой вместо немецкого его стали обучать итальянскому и латинскому языкам.

Надпись на немецком языке – Анна унд Марта баден – была сделана под картинкой с двумя купающимися девочками в бассейне. Эта единственная немецкая фраза и картинка из учебника почему-то навсегда застряли в его памяти.

Полосы армейской газеты были заполнены текстом и фотоснимками, сделанными в Берлине, Риме, Париже, Минске, Киеве. Фюрер, военные парады, танки, авиация...Сеймuru часто бывало грустно, но такую пронзительную и безысходную тоску он испытал только

сейчас, когда явственно почувствовал, что этот новый порядок со свастикой, уничтоживший мир, в котором он был так счастлив, останется с ним навсегда.

- Что случилось? - заметив изменившееся лицо Сеймура, спросил Виктор.

- Ты понял? Это навсегда.

- Не навсегда. Я над этим непрерывно думаю. Вспомни историю. Человечество тысячами благополучно переваривало любые вредные продукты. Каждый раз оставался неприятный запах, но со временем он исчезал.

- Вот именно, со временем, - усмешка получилась безрадостная. - А что, если Германия в р е м е н н о будет править еще лет сорок-пятьдесят?

- И как один умрем в борьбе за это! – пропел Витек, - Прекрати. Бессмысленно переживать о том, что невозможно исправить.

- Значит, надо перестать думать вообще, - сказал Сеймур.

- Все впереди. Надо ждать и надеяться! Подумай, воспоминания - самая ценная собственность человека. Сиди и вспоминай на здоровье что-нибудь приятное из прошлой жизни.

- Если нет будущего, только и остается что перед смертью вспоминать прошлое. - согласился впавший в мрак Сеймур.

- За что?! – вещательным голосом спросил Витек, обращаясь к вагонному потолку, - за что ты караешь меня руками друга!?

- Утром встречался со святым Стефанием? – по знакомым интонациям определил Сеймур.

- А не осталось теперь у меня никого, кроме святого Стефания. Я, Сеймур, ведь только на тебя и рассчитывал. Это ты мне обещал: «выберемся отсюда и тогда посчитаемся с ними», - голосом Сеймура сказал Витек, - Я тебе верил, а ты на моих глазах только что сбежал в кусты. Вот так вот!

Сеймур не смог сдержать улыбку, глядя как, сидя на нарах, Витек изображает его бегство в кусты:

- Ладно. Из кустов ты меня только что выманил, и я туда не вернусь

- Нервишки у меня- одни лохмотья, я ведь могу и с ума сойти! – серьезным тоном сказал Витек. – Имей в виду, это не шутки. В последние годы я испытал несколько серьезных потрясений. Ты знаешь, за что меня исключили из института? Так вот, формально меня исключили за аморальное поведение. Эта подлая лживая формулировка занесена в мое личное дело. А на самом деле они цинично растоптали чистую любовь двух людей. Один из них- я, готовый ради нашей любви не задумываясь отдать жизнь, и она - самая красивая женщина на свете по имени Евгения Максимовна.

- Я правильно понял? – спросил несколько сбитый с толку Сеймур.- Только что любимую женщину ты назвал по имени и отчеству?

- Это так, по привычке,- смутился Виктор,- Дело в том, что Женя преподавательница биологии. Я полюбил ее с первого взгляда. И не один я, ею восхищались все студенты нашего института. Мне не могли этого простить, и не простили. Я и она. Студент и преподавательница. Весь месяц ректор и партком занимались нашим аморальным поведением.

- Ты неправильно себя повел,- сказал Сеймур,- Такие вещи надо держать в секрете от коллектива. Например, я на втором курсе месяца полтора встречался с преподавательницей политэкономии. До сих пор храню в душе это воспоминание под номером пять по степени приятности. Если всем не рассказывать, ничего аморального в этом нет.

- Мы говорим о разных вещах,- объяснил Виктор,- Пойми, у тебя с ней был краткосрочный роман, назовем это приятной легкой связью. А я полюбил беззаветно и навсегда. Речь идет о первой и последней любви.

- А она?

- Она меня очень любила. Пойми, все происходило на грани жизни и смерти!

- Ты что-то недоговариваешь, или я ничего не понимаю,- признался Сеймур,- Ты любил ее, она любила тебя, что ж в этом аморального?

- У нее муж страшный негодяй,- преодолев внутреннее сопротивление, сообщил Виктор.

- Ага, значит, был и муж... Наверно, ему не нравилось, что у жены появился юный возлюбленный, который моложе нее всего на...

- На семь лет,- сказал Виктор. – Зря я тебе рассказал.

- Не зря. Ты облегчил душу, а это немало.

- Ее муж, заведующий кафедрой психиатрии. После того, как он застал нас у себя дома, он устроил ей бурный скандал, причем только ей, как будто я пустое место, затем пошел к ректору и потребовал моего исключения.

- Значит, этот склочник побежал жаловаться ректору?

- Тут же. Они давние друзья-приятели, вместе учились.

- И он, конечно, встал на его сторону. А она ушла от мужа?

- Нет, до сих пор мучается с ним.... Вдобавок ей дали выговор по партийной линии.

- Бедняжка. Ты прав, этот муж действительно мерзкий тип! На его месте интеллигентный приличный человек сразу развелся бы с женой, чтобы ты мог на ней жениться, оставил вам квартиру, а тебе создал бы на своей кафедре условия для работы над кандидатской диссертацией. И вместе с тобой встречал каждый Новый год.

- Ты все-таки циник, ничего святого. Наговорил кучу гадостей. И нечего подмигивать,- сердито сказал Виктор. Вид у него был обиженный, но на последних словах он не удержался и хмыкнул.

Поезд шел медленно. Дважды в день в дверь снаружи стучались, охранники изнутри отпирали замок и, откатив дверь, забирали у солдат коробки с продовольствием и котел с горячей водой. Рацион был похож на лагерный, только вместо сала здесь выдавали маргарин и вместе с двумя кусочками сахара в каждую ладонь высыпали чайную ложку чая. Что ели конвоиры, остальные пассажиры не знали. После еды обитатели вагона замолкали, они наслаждались музыкой. Один из конвоиров по имени Максимилиан играл на большой, размером сантиметром двадцать пять, губной гармошке с клавиатурой и меняющим регистр рычажком сбоку. Играл замечательно, закрыв от удовольствия глаза. Принимал он и заказы трех боевых соратников - конвоиров. Прежде чем приступить к исполнению, он каждый раз, с очень серьезным видом уточнив заказ, настраивал инструмент, и начинал в очередной раз играть какую-нибудь уже всем знакомую мелодию вроде «Роземунды», «Брызги шампанского» или «Дождь идет». Заключенные наслаждались и в паузах награждали артиста дружными аплодисментами.

Взрыв оглушил всех, судя по тому, как подпрыгнувший вагон отшвырнуло в сторону, бомба попала в поезд. За первой бомбой последовали другие. Самолетов из-за взрывов слышно не было. Взрывы прекратились так же внезапно как начались. Конвоиры, поднявшись с пола, побежали к двери. Поезд стоял на полустанке, окруженном лесом. Стреляли со всех сторон. Солдаты обороняли поезд от неизвестных людей, вооруженных автоматами. Конвоиры пытались отогнать заключенных в глубь вагона. Стоящий у выхода Максимилиан обернулся и поверх голов выпустил автоматную очередь, отчего передняя шеренга в панике опрокинулась. Несколько человек упали под ноги напиранию сзади. В следующее мгновение те, кто пытался остановить заключенных, были выдавлены людской массой из вагона. Конвоиры в военной форме были убиты прицельным огнем, как только оказались на земле.

- Максимилиана застрелили, музыканта Видел? - сказал Витек, пробегая мимо лежащего ничком конвоира. Из отворота его мундира выглядывала губная гармошка.

- Дохлого фашиста видел с гармошкой и автоматом.

- Фи! Грубиян! – переведя дыхание, восхищенным тоном возмутился Витек, - Ничего святого!

Недавние попутчики, прижавшись спинами к вагону, смотрели им вслед.

- Ты видел? Чего-то ждуть! - забежав за полуразрушенную будку, удивился Виктор.

- Вернемся, спросим? – не останавливаясь, предложил Сеймур.

- Береги дыхание. Беги!

Они бежали долго. Звуки перестрелки до них уже не доносились, но они не останавливались. И только вконец обессиленные, упали на пожелтевшую осеннюю траву.

- Пошли дальше, здесь оставаться нельзя.- отдышавшись сказал Сеймур.- Пошли!

- Куда?

- Лишь бы подальше от проклятого вагона. Нас будут искать.

- Я заметил, что из двадцати вагонов поезда лишь наш был товарным. Похоже, это был воинский состав. Интересно, как это нашим бомбардировщикам удалось добраться в такую даль.

- Ты думаешь наши?- спросил Сеймур.

- Конечно. А кто еще?

День был пасмурный, им скоро стало холодно. Даже им, привыкшим голодать, очень хотелось есть. Теперь они не бежали, но шли не останавливаясь. Витек как всегда говорил безумолку.

- Тебе есть хочется?

- Еще как, только думать об этом не хочется.

- А думать надо. Представь себе: нам удалось сбежать, нас еще не убили, а теперь мы идем по лесу. Представил? И вдруг в дополнению к этому еще одно чудо, нам навстречу выходит опоссум, и мы на прутьях жарим из него вкуснейший шашлык. – размышлял Виктор.- Ты меня слышишь?

- По-моему, во Франции опоссумы не водятся,- сказал Сеймур.

- Не веришь ты в чудеса,- вздохнул Витек, - Ну и что? Теперь здесь и фашисты водятся, а раньше не было...Ладно, обойдемся без опоссума. Зато наверняка кролики водятся. Хочу шашлык из кролика.

- Кролика придется зарезать. Сумеешь?

- И не надейся. Ни разу в жизни ради еды я не убил ни одного млекопитающего. Это мой жизненный принцип.

- Значит, и кролик отпадает.

- Я где-то читал, что во Франции иногда кролики и мясники гуляют в лесу парами,- мечтательным голосом сказал Витек.

- Это ты от голода! Лучше береги силы, еще пригодятся.

- Силы? Да я переполнен энергией! Хочешь, на этом месте, не останавливаясь, спую каватину Фигаро?

- Нет - нет! Только не это! - взмолился Сеймур,- Сейчас октябрь, сезон охоты, тут же на твоё пение набегут охотники на кабанов.

- Опомнись, человек! Идет война, какие к черту охотники? Сейка! – во весь голос закричал Витек. – Ты еще не понял. Мы на свободе, мы во Франции! Мы дикие кабаны! – от радости он плакал.

До сих пор им никто не встретился. Во второй половине дня стало очень холодно. Левую ногу Сеймура сильно натерло, и он сильно прихрамывал. Витек нашел в траве ветку и, отломав верхушку, превратил ее в толстую узловатую палку.

- Теперь ты похож на пилигрима с посохом,- сказал Витек.

- Если не встретим людей, то до утра не доживем, это я говорю тебе как опытный пилигрим.- усмехнулся Сеймур.

Еще километров пять они прошли молча. Первым заговорил Витек.

- Ты совсем-совсем не веришь в чудеса? - ехидным голосом спросил он.

В наступивших сумерках впереди между деревьями стоял приземистый дом под старой, побуревшей от времени черепицей и ждал их прихода. На стук в доме не отозвались, но дверь открылась при легком нажиме. Кажется, это действительно был их день.

Изнутри дом выглядел таким же убогим, как снаружи. Судя по специфическому нежилому запаху, хозяева покинули его давно. Как и следовало ожидать, на некрашенных полках небольшого шкафчика друзья обнаружили лишь несколько кастрюль и чайник. Посуда была чистая, видимо, перед тем как покинуть дом, хозяева успели прибраться. Закрывать дверцы шкафа они не успели, потому что услышали за спиной негромкий голос, который, судя по интонации, сказал им что что-то неприятное. Обернувшись, они увидели за спиной на расстоянии нескольких шагов двух людей в гражданской одежде с пистолетами в руках. Пистолеты были направлены на них, обладатель пистолета повторил те же слова, и Сеймур с Виктором, сразу же правильно истолковав их значение, подняли кверху руки.

У одного из них, того, что молчал, из-за плеч высовывался объемистый рюкзак, второй же, если не считать пистолета, пришел налегке, у него было крупное значительное лицо со шрамом через всю правую щеку. С первого взгляда в нем угадывался человек, привыкший приказывать.

- Кажется это не немцы, а французы – сказал Виктор. Они показали незнакомцам запястья правой руки с бирками. Судя по всему, бирки с лагерными номерами впечатления не произвели, взгляды пришельцев оставались настороженными.

- Не немцы, но тоже с пистолетами,- сказал Сеймур. Надеясь на сходство языков, он обратился к пришедшим на итальянском. Тщательно и медленно выговаривая слова, и невольно дополняя речь жестами, он попытался объяснить, что они советские офицеры, военнопленные, три дня назад бежали из немецкого лагеря. Кое-что из сказанного Сеймуrom французы, кажется, все-таки поняли. Во всяком случае, пистолеты были спрятаны. Тот, кто с рюкзаком, снял его и положил на стол. Вынул из него два завернутых в газету бутерброда с сыром и протянул их Сеймуру с Виктором. Есть пришлось стоя, потому что сесть было не на что. Французы, в буквальном смысле слова, вытаращив глаза от изумления, смотрели с какой поразительной скоростью два скелетообразных существа в лохмотьях, ни разу не подавившись, в два приема проглотили по увесистому бутерброду.

Тем временем французы, поглядывая на своих новых знакомых, негромко, почти шепотом о чем-то переговаривались.

- До чего вкусно, - сказал Виктор, - Конечно, это не фашисты. Ты спроси у того, со шрамом, как сыр называется.

- Чуть позже,- пообещал Сеймур,- Мне кажется, они решают, что с нами делать.

- Мы не в лагере. Кто это может без нас решать?

- Те, у кого пистолеты, – усмехнулся Сеймур.

У Виктора по этому поводу, похоже, было свое мнение, но прежде, чем он успел его высказать, в открытую дверь вошел немецкий офицер в эсесовской форме в сопровождении двух солдат с автоматами. По его команде все прежние обитатели комнаты подняли руки.

Взгляд офицера ненадолго задержался на Викторе и Сеймуре, он оглядел беглецов безразлично, обычно люди так смотрят на привычные неодушевленные предметы. Его интерес вызвали французы. Он смотрел на них тяжелым настороженным взглядом. Он дважды что-то им приказал, но ни один из французов на это не прореагировал. Они молчали и смотрели на немцев без всякого удовольствия, скорее с досадой на себя, чем с неприязнью к немцам. Казалось, им было неприятно, что немцы так глупо поймали их врасплох. Офицер вынул из кобуры пистолет, спустил предохранитель и с расстояния шага направил дуло в лоб француза со шрамом. Неизвестно, что он спросил, но, судя по интонации, спрашивал он в последний раз.

И тут произошло необъяснимое. Заговорил Сеймур. Он вдруг громко и отдельно произнес единственную известную ему фразу на немецком языке, которую он запомнил во втором классе.

- Анна унд Марта баден!- пристально глядя в глаза офицера, сказал Сеймур. Неожиданное сообщение на короткий миг отвлекло эсесовца от текущих событий.

- Где!?- спросил он Сеймура. То есть вопрос он задал по немецки - «Во?», но все присутствующие поняли его правильно.

Сеймур с готовностью показал левой рукой на дверь. Дальнейшее произошло со скоростью, значительно превышающей возможности истощенного длительным голоданием человеческого мозга.

В то же мгновение, когда любознательный офицер и два солдата повернулись посмотреть на купальщиц, а дуло пистолета отклонилось от переносицы француза, Сеймур, что есть сил, ударил офицера палкой по голове. Тот рухнул как подкошенный, а оба француза, выхватив, пистолеты, открыли стрельбу в упор по солдатам.

Не издав звука, немцы, дергаясь в конвульсиях, лежали на полу. Помещение заполнил тошнотворный запах пороха и крови.

- Что ты ему сказал?! – закричал ошарашенный Виктор.

- Все что знал!

Виктор сосредоточенно разглядывал тела немцев. Одного он даже перевернул на спину. Сеймур не выдержал:

- Доктор хочет оказать первую помощь захворавшим эсесовцам?

- Ты посмотри – сказал Виктор, - в них стреляли из автоматических пистолетов. Скорострельных. Просто мечта. На одном немце десять, на другом одиннадцать отверстий. И все это меньше чем за секунду!

- Тридцать четыре миллисекунды. Включая удар палкой. Я следил по часам,- подтвердил Сеймур.

- Очень хорошие часы. Кстати, их можно продать или обменять на сыр или, например, на половину жареной курицы, - мечтательным тоном сказал Виктор.

- И не надейся. Часы не продаются.

Разговор о несуществующих часах прервали французы.

- Клод,- протянув руку, сказал тот, что со шрамом.- Клод Вернье. Второго звали Бастиан Жанно.

Жанно спустился в подвал, и вернувшись с двумя электрическими фонариками, отдал их новым знакомым.

- Надо забрать с собой автоматы, - сказал Виктор. Мне кажется, никто возражать не будет.

Затем вчетвером они выволокли из дома трупы. Убитых немцев оставили под открытым небом в десятке метров от дома. В полном безмолвии, ни разу не сбившись с пути, они вышли через полчаса на проселочную дорогу и здесь, глянув на часы, остановились. Появившаяся вскоре машина остановилась, после того как ей посветили фонариком.

Вскоре в свете автомобильных фар появилась улица, и машина остановилась у двухэтажного дома с тускло светящимися окнами.

Бывших заключенных привели в большую гостиную с дорогой мебелью и коврами, и усадили на диван, затем, извиняюще улыбнувшись, оставили их одних.

- Автоматы не отобрали, это хороший признак,- сказал Витек. – Интересно, кто они такие. На бандитов не похожи.

- Во-первых, их хотели убить немцы, значит, они хорошие люди. Во-вторых, они сами застрелили немцев, а это означает, что это очень хорошие люди. Даже если они бандиты.

- У них была рация, значит, скорее всего, они разведчики. – сказал Витек. Развить догадку он не успел, потому что в комнату вместе Клодом Вернье вошли несколько человек. На первый взгляд они были разного возраста, одетые в блузы свободного покроя и спортивные костюмы они напоминали людей, вернувшихся с загородной прогулки. Все они сели за большой стол и с откровенным любопытством уставились на Сеймура с Витьком. Жизнь стала еще более привлекательной, когда в сопровождении Жанно пришел переводчик по имени Михаил Астахов. Как выяснилось позже, французский гражданин Астахов был сыном полковника Астахова, осевшего во Франции после первой волны русской эмиграции 1917 года. Это был высокий молодой человек с учтивыми манерами и правильной речью, но при всех этих достоинствах разговаривал по началу он со своими бывшими соотечественниками с легким оттенком высокомерия.

Клод Вернье подробно рассказал о происшествии в лесном домике, куда он и Жанно зашли спрятать рацию. Раздался дружный хохот, когда, выкрикнув «Анна унд Марта баден», он мимикой и жестом показал, как немецкий офицер прореагировал на слова Сеймура. Он сказал, что Сеймур и Витек спасли его и Жанно от неминуемой смерти.

Из дальнейшего стало понятно, что все участники разговора принимали участие в нападении на поезд.

Оказывается, это очень приятное ощущение - сидеть в комнате вместе с другими нормальными людьми и разговаривать с ними так, как это обычно происходит между нормальными свободными людьми. Впервые за мучительно долгое время они испытали ощущение, от которого успели давно отвыкнуть.

Уходя, каждый из гостей пожал им руки и пожелал, судя по интонации и улыбке, что-то хорошее. Последними ушли Клод и Жанно. Клод сказал, им всем надо хорошо отдохнуть и привести себя в порядок. По его словам, остаться до утра с советскими офицерами изъявил желание Михаил Астахов. Видимо, на Астахова произвел впечатление рассказ Клода, или ему понравились ребята, но как бы то не было, уважение читалось в его теплом доброжелательном взгляде.

Михаил рассказал им, что утренней наземной операцией руководил Клод Вернье, которого все называли не иначе как командор. С воздуха военный эшелон атаковала британская авиация, вызванная им по радио. В городе Лиме шли бои между участниками Сопrotивления и солдатами местного гарнизона, и немцам было необходимо срочно доставить в город военную технику. В результате операции ни один танк или бронетранспортер со свастикой до Лима не доехал.

Первые несколько дней они привыкали к тому, что они люди. Оказалось, что это необычное, можно сказать, изысканное ощущение, проснувшись утром сразу почувствовать себя человеком, а не презираемым существом, которого могут безнаказанно пнуть ногой или оскорбить убогие представители самозванного «нового порядка». Оказалось, что утреннее бритье, душ и скромный завтрак с самообслуживанием - это роскошь и наслаждение, доступные лишь свободным людям. В кабинете Клода на стенах висели написанные от руки объявления, вырезки из газет, фотографии и несколько портретов. На одном из них был изображен человек с надменным лицом в военном мундире в орденах, на нем из угла в угол черным грифелем крупными неровными буквами была сделана надпись – предатель! Это был портрет маршала Петена, подписавшего в 1940 году в Компьене капитуляцию Франции. Клод сказал, что немцы потребовали от Петена подписать протокол в том же вагоне, где в 1918 году капитулировала Германия. Трус и предатель Петен согласился на капитуляцию, хотя страна, имея рядом такого союзника, как Великобритания, обладала всеми ресурсами для того, чтобы сражаться и дальше. На трех других портретах были изображены де Голль, Сталин и Черчилль. Переводчик Михаил сказал, что Клод Вернье, как и все патриоты Франции считают, что сражения под Курском и Сталинградом сломали военную машину Германии и обрекли ее на поражение. А великий полководец Сталин, по их убеждению, является спасителем Европы от фашистского нашествия.

После того как Петен в 1940 подписал капитуляцию Франции, в стране установился профашистский режим Виши. Великобритания осталась один на один с Германией. Англия была в тот момент несоизмеримо слабее Германии, которая обладала людскими и промышленными резервами всех покоренных ею европейских стран. Казалось, Великобритании не на кого было рассчитывать, она была бессильна перед военной авиацией Германии. Бомбардировщики со свастикой наносили безответные удары по

городам и военным объектам днем и ночью. Черчилль сумел объединить нацию. В тяжелых условиях англичанам удалось увеличить производство самолетов. Их ученые создали присадку, которая при добавлении в бензин увеличивала скорость самолетов, и теперь английские истребители летали на пятьдесят километров в час быстрее немецких. Воодушевленные успехами советской армии, английские бомбардировщики начали совершать рейды в Германию. К 1943 году с господством Германии в воздухе было покончено.

Благодаря титаническим усилиям Черчилля разрозненные боевые отряды французских патриотов начали объединяться в общенациональное движение Сопротивления «маки». На руководство Сопротивлением претендовали известные военные деятели, но выбор Уинстона Черчилля пал на генерала Шарля де Голля. В июне 1940 года британское правительство признает бригадного генерала де Голля в качестве главы Свободной Франции. Первые два года он руководит движением Сопротивления из Лондона по радио по одному из каналов Би – Би - Си

Одним из самых лучших помощников де Голля во Франции стал Клод Вернье. Он, так же как и де Голль, считал Францию униженной, ненавидел Петена и мечтал отомстить немцам. У них было много общего, и главное – властный характер, мгновенная реакция, позволяющая быстро и безошибочно принимать решения. Клод, также как де Голль, окончил военное училище Сен-Сир, на 14 лет позже него, в 1936 году. На территории Франции было создано несколько организованных центров Сопротивления, и одним из них руководил полковник Клод Вернье.

Об отряде Клода Вернье ходили легенды. Сам Клод лично принимал участие в самых дерзких операциях против немецкой армии. За голову Клода Вернье германское командование назначило награду в 20 тысяч марок. И рядом с ним неизменно принимали участие в боях Сеймур и Виктор. Бесстрашие этих людей вызывало уважение товарищей. Сам Клод скромно объяснял безрассудную отвагу ненавистью, которую он и его друзья испытывают к немцам. Он утверждал, что при равной силе противников выигрывает тот, кто одержим ненавистью и отвращением к врагу. В рядах «Сражающейся Франции» были люди разных взглядов, от католиков и эмигрантов до коммунистов, но все они доверяли командору Клоду и беспрекословно выполняли его приказы.

В коротких перерывах между вылазками против немецких гарнизонов Сеймур и Виктор учили французский язык. Их учитель Самуэль Курбе, преподаватель школы в Альби, был приглашен для них Клодом Вернье. Самуэль оказался добросовестным педагогом и очень сердился, когда его ученики пропускали занятия. Виктору рвение Самуэля перестало казаться чрезмерным, когда Михаил показал им бухгалтерский отчет, из которого явствовало, что за обучение двух великовозрастных учеников из бюджета отряда ему ежемесячно выплачивается жалование в два раза превышающее зарплату школьного преподавателя.

Наступил день, который с нетерпением ждала Франция. Немецкие войска были разгромлены, а многочисленные поименно названные коллаборационисты были публично заклеены позором и в соответствии с действующими законами подвергнуты наказаниям, тяжесть которых определялась судом присяжных. Маршал Петен был приговорен за предательство к смертной казни, но Шарль де Голль, избранный

президентом Франции в 1945 году, помиловал его. Позже он помиловал и уравнивал в правах с порядочными людьми всех коллаборационистов, заявив, что дает им шанс на новую жизнь ради интересов страны, так как Франция не должна быть впрямь разделенной изнутри.

Праздник победы Сеймур и Виктор встречали в Париже. Это был грандиозный праздник, казалось, что вся Франция опьянела от счастья, люди на улицах пели и обнимались, бросались цветы под ноги солдатам де Голля.

Сеймур и Виктор впервые в жизни надели смокинги и украсили их боевыми наградами. Награды у них были равного высокого достоинства – Военный крест, Крест добровольца и две боевые медали. В этом парадном виде они были представлены Клодом вернувшейся вместе с отцом жене Марион, красивой высокой женщине. Сам Клод казалось, помолодел лет на десять и выглядел так, как должен выглядеть очень счастливый человек. Своим друзьям он приготовил сюрприз, сообщил им, что они приглашены на прием, который вечером в ознаменовании победы дает Шарль де Голль. Это был незабываемый вечер. Шампанское лилось рекой, присутствующие пели «Марсельезу», обнимались и плакали от радости. Клод и Марион весь вечер были рядом с де Голлем, и многие в зале отдали бы все за то, чтобы оказаться вместе с ними.

Прошли праздники, и Сеймур считал возможным в который раз напомнить Клоду о его обещании помочь им вернуться на родину.

- Я дал обещание и надеюсь в скором времени выполнить его,- но сейчас это невозможно. Я это сделаю, как только во Франции откроется советское посольство, консульство, или любая другая дипломатическая миссия. Ты пойми, для Советского Союза война не закончилась, Германия еще не капитулировала. Потерпи.

Терпение давно было на исходе, но они ждали. Поэтому когда Михаил Астахов сообщил им, что Клод ждет их дома, он собирается что-то им сообщить по поводу их возвращения, они, не дослушав его до конца, помчались к Клоду.

Клод и Марион были не одни. В гостиной сидели все знакомые им люди – двое уже бывших маки – оба коммунисты. Сеймур заметил, что у всех присутствующих озабоченные лица, и у него, в предчувствии неведомой беды, тревожно сжалось сердце.

Клод сказал, что месяц назад в правительство Франции поступило письмо от советского руководства с настоятельной просьбой вернуть всех военнопленных и других лиц, эмигрировавших в период войны с территории СССР. Отказать одному из главных победителей фашизма, союзнику Франции. правительство не сочло возможным.

Коммунист Мартин Ксавье был возмущен и не старался это скрыть:

- Я не понимаю наших советских коллег, которых всегда уважал. Не понимаю, почему это происходит, но экстрадиция военнопленных из стран союзников продолжается. Из наших источников нам известно, что насильственное перемещение людей по прибытии в Советский Союз судят, а затем отправляют в ссылку, – сказал французский коммунист, когда наступил его черед высказаться.- Наши друзья сообщили, что близкие родственники офицеров, попавших в плен, также подвергаются репрессиям, а родственники рядовых военнопленных лишаются пособия.

- Наверное, это все-таки ошибка – обдумав услышанное, сказал Сеймур.- Потому что во всем этом нет смысла. Мартин, а ты сам веришь, что людей, попавших в плен во время войны, сегодня насильственно вывозят из США, Англии и Франции, для того чтобы отправить их в ссылку. Ты можешь сказать - за что?

Ответом ему было красноречивое молчание французского коммуниста.

- Очень странно, - сказал Витек. - Если в это поверить, то придется пойти дальше и предположить, что все происходит с согласия Сталина или по его приказу. Может быть такое?

Марион с надеждой посмотрела на мужа.

- Клод, что думаешь ты?

- «Если человек долго сражается с чудовищами, то он и сам может превратиться в чудовище». Когда в училище я впервые услышал это изречение Ницше, оно показалось мне лишённым смысла. Я и в эту чудовищную историю с военнопленными не поверил, если бы сегодня не поговорил с помощником президента Франции. Все подтвердилось, - по требованию советской стороны высылка военнопленных началась. Из Франции в СССР уже выслано сто шестьдесят тысяч бывших военнопленных. Об их судьбе ничего неизвестно. Я думаю, скоро волна выселений докатится и до юга Франции. Ситуация непреодолимая. Судите сами: Советский Союз потребовал у своих союзников по антигитлеровской коалиции выдачи своих граждан, и те согласились. Все происходит в соответствии с законами этих стран.

- И ты останешься спокойным, когда за Сеймуром и Виктором придет полицейский в сопровождении советских конвоиров?

- Будем спокойно отстреливаться! – усмехнулся Клод. – Успокойся, Марион. За Сеймуром и Виктором не придут. Оба они награждены орденами и медалями Франции, у них есть вид на жительство. Очень скоро они получают французское гражданство, и с того дня будут подчиняться только законам французской республики.

- Сучий потрох! – вдруг вырвалось у Виктора.

При всеобщем молчании Клод вопросительно посмотрел на Виктора:

- Первый раз слышу. Что эти слова означают?

- Ну, как тебе сказать, чтобы было понятно, - смутился Витек,- Видишь ли, Клод, с точки зрения, например, кулинара, стоматолога или военного летчика эти слова абсолютно бессмысленны. Употребляются они только в тех случаях, когда надо объединить в одно целое честь, достоинство и заслуги какого-нибудь человека. Тогда они становятся незаменимыми. Вот послушай: товарищ Сталин, несомненно, освободитель Европы, генералиссимус, отец народов, герой Советского Союза и, уже в довершение, исключительно ради справедливости-объединяющий смысл: сучий потрох, чтоб он сдох, ублюдок! Ну, как?

- Я не думаю, что гражданину Франции следует так резко отзываться о руководителе союзного государства,- рассудительно сказал командор Клод Вернье.- Но, в конце концов, если очень хочется, это твое право.

- Да.- сказал Виктор Самарсков, - Очень хочется! И право на это я заслужил.

Виктор довез Сеймура домой. Всю дорогу они молчали.

- Не пойму, отчего это ты такой мрачный? Чем ты расстроен? – спросил Виктор, когда Сеймур выходил из машины.- Все ведь устроилось лучшим образом.

- Ты понял, нас хотят вернуть домой как преступников?! Стыдно...

- Зря тебе стыдно. Ты не предал свою страну, это она тебя предала, пусть ей и будет стыдно.

- Страна не может предать, предают люди.

- Вот именно, люди, а еще точнее один человек: сучий потрох, сдох бы поскорее, усатый ублюдок!

Еще через две недели Клод пригласил их к себе домой. Не скрывая радости, за празднично накрытым столом Марион и Клод объявили им, что наконец-то преодолена бюрократическая волокита, и с сегодняшнего дня они официально признаны гражданами Франции. И отныне, куда бы они не поехали с французским паспортом, им везде гарантирована безопасность. Марион рассказала, что будучи с отцом в США, они, как французские граждане, никогда не испытывали ни малейшей дискриминации и всегда ощущали себя полноправными членами тамошнего общества. Обычно немногословный Сеймур от имени Виктора и своего сказал искреннюю благодарственную речь, потому что действительно был на седьмом небе от радости.

Дальше оказалось не все так просто. Когда были оформлены все документы, Виктор отказался уезжать из Франции. Он сказал, что ему некуда ехать, дома его никто не ждет, и сам он никого не жаждет там видеть. А без этого, - сказал Виктор, - слово родина для нормального человека пустое сотрясение воздуха.

Сеймур знал, что родственников у Виктора в Перми нет, мама умерла, когда ему было четырнадцать лет, а с отцом, после того как тот женился второй раз, их отношения разладились окончательно. Он уговаривал Виктора поехать с ним, привел множество заманчивых доводов, способных убедить его переехать на постоянное жительство в Баку и окончить там медицинский институт.

- Ты подумай и скажи мне, где человеку лучше быть чужим - в Париже или в Баку? – в ответ на это спросил Витек.

- Подумал и говорю, в Баку чужим ты себя ощущать не будешь.

- Виктор Самарсков везде чужой, - серьезно сказал Витек.

- Спорить с Чайльд-Гарольдом в двадцатом веке труднее, чем я думал,- усмехнулся Сеймур.

- Чайльд-Гарольд для меня пустой фанфарон, который бесился с жиру. Ты лучше не спорь, а записывай, говорю бесплатно: быть чужим в Париже или в Алби гораздо лучше, чем быть чужим в Баку или Перми. Ну, как, нравится тебе афоризм?

- Ничего не понимаю. Ты ведь так надеялся вернуться!

- Я и тебе не советую ехать.

- Не поеду, если объяснишь, почему после стольких лет ожидания мне не надо возвращаться.

- Говорю тебе: не надо! Я в этом уверен. Ты же знаешь, я человек интуитивный и все чувствую. Короче говоря, я не боюсь, но знаю, что еще один концлагерь я не выдержу, И ты тоже не выживешь.

- Странные мысли. Никаких концлагерей больше не будет! Витек! Ты подумай. Прошу тебя. До отхода поезда еще сутки. Подумай.

- Подумаю, - безучастным тоном обещал Виктор Самарсков, - Ты прав. Надо подумать.

Часть вторая

Жизнь большинства людей при внимательном рассмотрении являет собой нескончаемую вереницу упущенных возможностей. В основном, успеха добиваются те, кто наделен способностью на перегруженной магистрали Жизни, не пропустив не приметный поворот, успеть в нужный момент свернуть на заветную дорогу с односторонним движением, ведущую к счастливой любви, богатству и славе, и катить по ней вплоть до полного достижения цели.

С этим утверждением, основанным на жизненном опыте людей, склонных к обобщениям, возможно, не согласился бы главный субъект хроник переходного периода Сеймур Рафибейли. Если бы кому-нибудь удалось его разговорить, он попытался бы на примере собственной жизни убедить собеседника в том, что к нему это сомнительное суждение ни с какой стороны не относится. Он рассказал бы, что, начиная с самой юности, и кончая текущим днем, не пренебрег ни одной из полезных возможностей, время от времени возникающих на его жизненном пути, но удачи ему это не принесло.

Будучи по природе правдивым человеком Сеймур признал бы, что, если он остался в живых и сейчас, сидя в котельной шафранного совхоза в селенье Амбуран, беседует со своей собакой, то все же произошло это исключительно благодаря стечению необъяснимых обстоятельств. Он рассказал бы, что добирался сюда 14 лет по дороге, которую выбрал сам. Но так как Сеймур в конце пути стал скрытным и неразговорчивым, то он наотрез отказался бы откровенно поговорить даже с очень приятным и доброжелательным человеком.

Ему никогда не приходило в голову жаловаться на судьбу, но и благодарности ни Богу, ни к людям он не испытывал.

В кочегарке было тепло. Это была единственное место, которое ему предложили после возвращения в Баку. Он просился на любую работу в рыбачью артель, но председатель сельсовета Самандар ему отказал, потому что в сопроводительной бумаге было указано, что деятельность поселенца не может быть совместима с пребыванием в трудовом коллективе. Об этом Сеймур узнал в день прибытия в Амбуран. В Амбуране он очутился вследствие одного странного обстоятельства. По первоначальному замыслу, оформленному в виде решения особой комиссии НКВД, он должен был выехать в Дашкесан и работать там разнорабочим на тамошнем железном руднике. Но в день выезда из Баку неизвестный высокопоставленный чиновник этого ведомства собственноручно изменил решение особой комиссии и пунктом временного пребывания Сеймура Рафибейли указал шафранный совхоз в Амбуране, что и нашло свое отражение в сопроводительных документах временно перемещенного зека. Ходили маловероятные слухи, что сделано это было по личному распоряжению первого секретаря ЦК Багирова. Слухи не подтвердились. Отражения этого факта не нашлось и в архивах НКВД.

В Амбуран Сеймур приехал на черной «эмке» вместе со старшим лейтенантом НКВД Гудретом Назимовым, очень худым молчаливым молодым человеком в сером выутюженном костюме и застегнутой на все пуговицы темносиней рубашке. Лейтенант ехал впереди рядом с водителем, а конвоир и Сеймур на заднем сиденье. Назимов всю дорогу молчал, и лишь когда подъехали к одноэтажному зданию сельсовета, бросил конвоиру одно лишь слово «введи!». В кабинет председателя сельсовета Самандара Калантарлы старший лейтенант вошел также предельно бесшумно. Он прижал носок ботинка к двери и с силой толкнул ее. Дверь бесшумно распахнулась настежь, и Сеймур в первый раз увидел Самандара Калантарлы. Человек, которого он увидел, не понравился ему сразу и навсегда. Самандар сидел за столом, и, сосредоточенно разглядывая в зеркале на своем лбу созревший фурункул, осторожно прикасаясь кончиками пальцев, мазал его кремом. Увидев товарища Назимова в своем кабинете, Самандар мгновенно обтер руки об живот и выскочил из кресла ему навстречу, одновременно изображая улыбкой и телодвижениями радость и удовольствие от неожиданной встречи.

- Прежде всего, вымой руки,- в ответ на попытку рукопожатия хмуро сказал Самандару Назимов. Упитанное тело Самандара с поразительной резвостью прошмыгнуло на всех своих нижних конечностях к умывальнику в противоположном углу кабинета и принялось, как хирург перед операцией, долго и тщательно мыть руки. Лейтенант пальцем показал Сеймуру на стул, а конвоиру на дверь. Конвоир тут же вышел, а Сеймур занял указанное ему место напротив лейтенанта Назимова.

Лейтенант сказал Самандару, что гражданин Рафибейли определяется на работу кочегаром-истопником в котельную шафранного совхоза. Самандар почтительно слушал, его почти квадратное лицо с массивным подбородком и узким лбом над маленькими, узко поставленными колючими глазками выражало готовность выполнить любой приказ, но Сеймуру показалось, что планы Назимова по поводу его трудоустройства хозяину кабинета не понравилось.

- Я договорился с проверенным человеком, он член партии, кочегар с большим стажем,- сказал Самандар, но Назимов его не слышал, он внимательно читал какой-то документ, извлеченный из планшета.

- Ты понял, что я тебе сказал – вдруг перебил его Назимов.- Говори по делу. Если у тебя есть какие-нибудь серьезные соображения, не скрывай, можешь быть откровенным.

Самандар настороженно посмотрел на Назимова. На его лице появилось выражение бывалого подследственного, почуявшего подвох со стороны коварного прокурора.

- Извините, товарищ Назимов, никаких своих соображений у меня нет! Я свое место знаю, - сказал он, - Хочу только сказать, что нужен ночной сторож на новые виноградные плантации. Прошлой зимой сто тридцать лоз кто-то выкопал.

- Ты хочешь сказать, что украли сто тридцать лоз элитного винограда!? Это же саботаж в чистом виде.

- Восемьдесят пять мы уже нашли и посадили на прежнее место.

- Разыщи и остальные. А то люди подумают, что у сельсовета кончился остаток авторитета.

- Найдем, разыщем, сегодня, завтра... В дальнейших целях безопасности хочу взять сторожа.

- Причем здесь сторож? Я сегодня хоть один раз сказал тебе слово сторож? Сколько я должен повторять – шафранный совхоз, кочегарка, истопник. Ты все понял?- судя по изменившемуся цвету лица, который приобрел оттенок незрелой фисташки, он начал сердиться.

- Все будет сделано, товарищ Назимов! Прошу вас, не сомневайтесь.

Сеймур заметил, что ботинки одетого с иголки Назимова слегка испачканы и ему почему-то стало интересно, как поступит Самандар, если товарищ лейтенант изъявит желание их срочно почистить.

- Имей в виду, если ты при мне еще раз скажешь это слово - сторож, я на тебя очень обижусь. Ты меня понял? - успокаиваясь, сказал старший лейтенант. Он вынул из планшета папку и протянул Самандару, - Это сопроводительные бумаги. Распишись в получении.

После того как Самандар подписал каждый из двенадцати листов содержимого папки и запер ее в сейфе, они поехали в совхоз. Впереди ехала эмка, за ней полторка, в кабине которой рядом с водителем возвышался Самандар.

Дорога шла вдоль берега. Впервые после возвращения в Баку Сеймур увидел Каспий. Дул северный ветер, и, так же как в прежние времена, пронзительно и тревожно кричали чайки. Весь песчаный берег вдоль дороги был в черных пятнах нефти. Этого раньше не было. Сеймур сразу перестал думать о загрязненном берегу, когда увидел в открытом море, почти на линии горизонта две нефтяные вышки. У него было острое зрение, и приглядевшись он понял, что не ошибся, - это были не мачты кораблей, а обычные нефтяные вышки, которые стояли, по всей видимости, на искусственных основаниях - островах. Назимов перехватил его удивленный взгляд.

- Это вышки морской нефтедобычи, - объяснил он Сеймуру.

- Раньше такого не было. .

- За четырнадцать лет вашего отсутствия здесь многое изменилось. Теперь нефть добывают и в открытом море.

Сеймуру хотелось узнать, насколько давно это началось, но, вспомнив, как Назимов разговаривал с словоохотливым Самандаром, рисковать не стал.

Охранник военизированной охраны открыл ворота, как только подъехал Назимов, после чего обе машины въехали на территорию совхоза. Приземистое одноэтажное здание кочегарки с двумя окнами и черной чугунной трубой находилось в полусотне метров от въезда. Справа у здания росло раскидистое тутовое дерево, нижние ветви которого лежали на плоской крыше кочегарки. Ближе к дороге, на двухметровом металлическом «табурете», стояла цистерна с темными потеками мазута. Судя по трубе, которая шла от нее в здание, назначением ее было снабжение котельной топливом.

Внутри стены кочегарки, так же как и снаружи, были отштукатурены и покрашены в белый цвет. На стене рядом с огромным котлом висели портреты Сталина и Багирова. Портрет Багирова был поменьше и висел ниже сталинского. В дополнение к двум цветным портретам белое однообразие стен приятно разбавлялось благодаря красному манометру и черному круглому радиорепродуктору.

Назимов заглянул в шкафы, осмотрел маленькую смежную комнату, заглянул в душевую, и там проверил, идет ли вода. Все это он делал молча, после чего обратился к Самандару:

- Пока я здесь, сходи в правление совхоза и получи для кочегара три комплекта постельного белья – простыню, пододеяльник и три наволочки.

- Три!?

- Еще три полотенца и мыло. И предупреди, что с завтрашнего дня он будет приходить обедать в совхозную столовую. Скажи, что кормить его следует отдельно от коллектива в подсобном помещении. И попроси, чтобы в кочегарке восстановили радиотрансляцию.

Оставшись наедине с Сеймуром, Назимов доброжелательным тоном объяснил тому, в чем, главным образом, состоят его обязанности. Он сказал также, что органы безопасности сурово карают преступников, посягающих на безопасность родины, но они же протягивают руку людям, отступившимся по недомыслию или случайно в тех случаях, когда эти люди своим поведением доказывают, что они хотят встать на путь исправления. Назимов сказал, что по его личному мнению, для Сеймура еще не все потеряно. Если, сказал Назимов, Сеймур приложит усилия и убедит органы безопасности своими дальнейшим поведением, что он может быть законопослушным и полезным членом общества, то эти усилия не останутся незамеченными и будут оценены по достоинству. Сеймур вежливо слушал Назимова, и в паузах кивал головой, но для него единственным существенным и самым важным из всего услышанного в этот день было распоряжение Назимова включить в кочегарке радио.

Назимов сказал, что Сеймуру запрещается покидать территорию совхоза и вступать в разговоры с работниками, так как это нарушение правил, которое неотвратимо влечет за собой наказание.

- Здесь в совхозе работает общественный представитель органов. Если вам захочется нам что-то сообщить, обращайтесь к нему, его зовут Ахлиман Фаталиев, это проверенный человек. Все, что вы ему сообщите, он немедленно передаст нам.

Странные порядки в здешнем совхозе. В Тайшете имена сексотов вслух не произносились, мельком подумал Сеймур.

- Какие же сведения я могу ему передать? – искренне удивился он.

- Все, что заслуживает внимания органов. Скажу вам откровенно, инициатива и активность всегда нами поддерживаются, - сказал Назимов, - Как говорил товарищ Сталин, каждый человек кузнец своего счастья.

Назимов говорил предельно любезным тоном, и Сеймур ради приличия решил разговор поддержать.

- А как я его узнаю?

- Ахлиман Фаталиев работает здесь в совхозной лаборатории. Он доцент, специалист по шафрану. Он вас сам найдет.

На вопрос, сколько времени ему предстоит здесь пробыть, Назимов уже сухим официальным тоном ответил, что Сеймур будет здесь жить и работать вплоть до особых распоряжений. Когда поступят эти особые распоряжения, от кого, и что произойдет после них, Назимов не сказал. И Сеймур понял, что старшему лейтенанту Назимову ничего на этот счет неизвестно.

Самандара Назимов дожидаться не стал. На прощание он тоном заботливого старшего брата еще раз посоветовал Сеймuru быть законопослушным и благоразумным.

Самандар появился в сопровождении водителя, который принес постельное белье и брошюру по технике безопасности. Так в кочегарке появилась первая книга.

После отъезда Назимова поведение Самандара заметно изменилось, взгляд его теперь был высокомерным, а в голосе появились начальственные нотки.

Прежде чем войти, он, расставив ноги, остановился в дверях и окинул взглядом помещение:

- Ты понял, как тебе повезло? Курорт! Просто курорт

Сеймур оглядел потолок и стены, потом перевел взгляд на Самандара. Со стороны было видно, что человек размышляет:

- Где курорт? – после паузы спросил он.

- Как где? Здесь. Ты не согласен, что для тебя это курорт?

- А мне сказали, что это кочегарка,- глядя в глаза Самандара, искренним голосом объяснил Сеймур. Еще по тайшетскому опыту ему было известно, что искусное придуривание зека в отдельных случаях выручает его в разговоре с начальством.

Самандар испытующе посмотрел на собеседника.

- Я-то знаю, откуда тебя привезли! Разве в лагере были такие условия? Поэтому я и говорю, что здесь курорт. Ты согласен?

Самое страшное в Тайшете был холод, вспомнил Сеймур, холодно было всегда и везде. Не было ни одного места, где можно было согреться. Даже постоянное чувство голода - пустяки по сравнению с холодом. Спустя два месяца после прибытия в тайшетлаг он отморозил на лесоповале ноги. В лагерном госпитале врачи их ему сохранили, но большой палец левой ноги все-таки пришлось ампутировать. С тех пор он стал слегка прихрамывать на левую ногу.

- Там были двухэтажные нары, а здесь кровать. Удобство все-таки.

- Ты везучий. Таких как ты, отбывших срок, еще недавно мы отправляли на поселение куда подальше, чаще всего в мингечаурскую степь, там начиналось строительство гидроэлектростанции. Из каждых десяти в живых оставались двое. А тебя, нате вам, прямиком в Амбуран, чуть ли не в Баку. Тебе в скольких городах СССР запрещено жить?

- Не помню, - хмуро сказал Сеймур.

- Должен помнить. В 32 городах не то что жить, таким как ты появляться запрещено, особенно в Баку. А тебя в Амбуран прислали, курортное место рядом с Баку. Недаром же дача твоих покойных родителей здесь была... На всю страну известные люди были. А их сын предатель родины. Такого отца опозорил.

Сеймур посмотрел на Самандара оценивающим взглядом. Конечно, самое правильное, - подумал он, - это дать ему правой в челюсть, и тут же, а это уже ради чистого удовольствия, с размаху ногой пах,- подумал он и сразу постарался отогнать эту мысль.

Тугодумие Сеймура начало раздражать Самандара.

- В общем, я ухожу... И еще. Это конечно твое дело, но бежать отсюда я тебе не советую,- сурово сказал он.

- Куда?.. Может быть, ты знаешь, куда я могу бежать?

- Ты со мной на ты разговариваешь!? – изумился Самандар, - Как ты посмел?! Тьфу!- он вышел, не закрывая за собой дверь.- Лишенец неблагодарный!

Считается, что радио одно из полезнейших изобретений в истории разумного человечества, Сеймур об этом вспомнил, когда через полчаса после ухода Самандара неожиданно громко заговорил репродуктор. Он сидел на скамье и, облокотившись на покрытый облезлой клеенкой стол, с наслаждением слушал все подряд, что в этот день передавалось по всесоюзному и республиканскому радио, слушал, не выключая репродуктор, вплоть до окончания всех передач в 12 часов ночи. На следующее утро, проснувшись, он вначале полностью выслушал гимн Советского Союза, а затем с перерывом в один час гимн Азербайджана, музыкальную физзарядку, новости, утреннюю пионерскую зорьку, а также без исключения все другие передачи. И так изо дня в день. Все, что звучало по радио, было жизнерадостным по содержанию и укрепляло в человеке оптимизм и веру в будущее.

Однажды вечером передали репортаж из Тайшета. Зрители и строители выступали на открытии нового широкоэкранного кинотеатра. И в голосах их звучали искренняя радость и гордость за свой прекрасный город, привольно раскинувшийся на берегу Бирюсы. Сеймур вспомнил, как бывший майор гвардии зек Анатолий Борисович Гуслинский сказал ему, что кочевые тюрки, первыми прибывшие сюда, назвали это место – Тайшет, что по-тюркски означает Ужас. Сеймур во время пребывания в Тайшетлаге понял, что древние тюрки были людьми неглупыми и дальновидными. О бывшем майоре в лагере ходили легенды. Рассказывали, что новый начальник лагеря узнал из личного дела, что он на гражданке руководил эстрадным оркестром, вызвал к себе вместе с пятью другими зеками, тоже бывшими представителями искусства и литературы, и по неопытности обратился к ним с предложением о сотрудничестве.

- Вы, наверное, все помните, что через десять дней мы будем праздновать день рождения великого чекиста, любимого народом Лаврентия Павловича Берия. Я вас зачем вызвал? Хочу, чтобы в порыве вдохновения вы создали художественное произведение и в день праздника исполнили бы его. Даю вам десять дней, на это время освободим вас от работ, вплоть до дня праздника! Ну, как?

Зеки угрюмо молчали. Но на предложение начальника любезно отозвался бывший майор Гуслинский.

- А как же! Мы понимаем. Дело полезное,- с воодушевлением сказал Гуслинский, - Только дожидаться вдохновения, гражданин начальник, это последнее дело. Можно и не дожидаться. Стихи уже есть, как раз сегодня утром я их сам сочинил, за день-два сварганим на них музыку, вот вам будет новая песня на праздник. Стихи могу вам прочитать прямо сейчас. Пока придумал только начало, если вам понравится, сочиню до конца. Читать или как?

- Читай, послушаем.- сказал начальник.

Майор встал и прокашлялся.

- Цветок душистых прерий

Лаврентий Палыч Берий.

- Ну, как вам стихи, гражданин начальник? По-моему, вроде бы складно.

В молодости до того как стать чекистом, начальник лагеря был полотером, и навыки прежней профессии закрепились в нем навсегда. Как всегда в момент наивысшего нервного напряжения, он начал автоматически делать перед собой круговые движения, какими привык, стоя на коленях, натирать мастикой паркет.

- Всё! Замолчали!! – с трудом уняв разгулявшиеся руки, обратился он к группе бывшей творческой интеллигенции, - Вы мне ничего здесь не читали, а я ничего не слышал! Мне говорили, что вы закоренелые преступники и мошенники, теперь верю. Всех на десять дней в карцер!

Эту историю Сеймур слышал в разных вариантах, но автором неизменно назывался Гуслинский.

В его памяти навсегда остался пасмурный декабрьский день 1953 года. На лесоповале Сеймур работал рядом с Гуслинским. К ним подошел бригадир, выключил пилу, и в наступившей тишине сообщил, что в Москве расстрелян агент империализма Лаврентий Павлович Берия.

- Умер Лаврушка, ну и хрен с ним! – Гуслинский обратился ко всем, кто был рядом, - Вы хоть поняли, что это означает?! С этой минуты всем нам свобода, равенство, братство!

Все слушали его молча, с неподвижными лицами. Отозвался только бригадир.

- Помолчал бы, Борисыч, - сказал он, - хоть бы людей пожалел. Работаем, ребята!

Но возбужденный Гуслинский не унимался.

- С горем вас! – обратился он к подошедшему офицеру конвоя. – С всенародным горем вас, начальник!

В Тайшетлаге Гуслинский давно ходил в отпетых, поэтому выходок его начальство старалось не замечать, но сегодня что-то в словах конвойного его задело.

- Человека похоронить не успели, а шпана радуется,- презрительно сказал тот.

- Какая же радость? Горюю и скорблю в ожидании перемен.

- У брехливой собаки век недолог, весной тебя похороним, вот тебе и будет перемена. Других перемен не жди .

- Ошибочка ваша, начальник! Не о себе я. Перемены у вас ожидаются. Скоро погонят вас в Симферополь, американскому слону яйца качать. Слона жалко, вы и его покалечите.

- Слона будешь в карцере жалеть. Посидишь неделю, дальше видно будет, - распорядился конвойный, и как только заключенные вернулись в лагерь, Гуслинского без ужина отправили в карцер.

Из карцера бывшего гвардии майора вынесли на руках, сам он передвигаться не мог. Первое, что спросили у него вечером сокамерники, почему в Симферополь, где слоны не водятся?

Тот же Гуслинский поделился с Сеймуrom своим опытом общения с тайными осведомителями.

- С виду его не раскусишь, - объяснял он. – С виду он нормальный зек. Сексот животное опасное, причем очень хитрое. Но определить, что он сексот, все-таки можно - по глазам. У самого хитрого сексота глаза сразу же начинают бегать, стоит внезапно заглянуть в них. Вот так,- бывший майор показал, как следует внезапно заглядывать в глаза стукачу. - А у некоторых при разговоре начинает подрагивать средний палец правой руки. Ты присматривайся.

Судя по тому, как часто Гуслинский из-за доносов попадал в карцер, то знание повадок сексотов, если ему самому и помогало, то очень редко. Но его описание сексотов Сеймур невольно вспомнил, перед тем как встретиться с общественным уполномоченным НКВД Ахлиманом Фаталиевым. Тот ждал в его совхозной лаборатории на втором этаже. Фаталиеву на вид можно было дать лет под шестьдесят. Глаза его по сторонам не бегали,

взгляд у него был прямой и открытый, и смотрел он на Сеймура вполне доброжелательно. Своими манерами и умением излагать мысли он произвел на Сеймура впечатление умного интеллигентного человека. При дальнейшем общении это впечатление подтвердилось. В просторной светлой лаборатории кроме них двоих находилось еще несколько лаборанток в белых халатах, которые время от времени украдкой, с любопытством поглядывали на Сеймура. Фаталиев сказал, что все они выпускницы биофака бакинского университета, и он возлагает на них большие надежды, связанные с распространением в республике культуры шафрана. Его очень удивило, когда Фаталиев при них представился ему как общественный представитель органов госбезопасности. Так и объявил, не понижая голос, что он общественный уполномоченный, и Сеймур, если ему захочется сообщить что-то представляющее интерес для органов, может к нему обращаться. После получасовой беседы он вышел в коридор и здесь столкнулся с одной из лаборанток, которую несколько минут назад впервые увидел в кабинете. Стройной фигурой в белом накрахмаленном халате, слегка курносый носом над свежими розовыми губами она привлекала внимание. Окинув его долгим выразительным взглядом, она прошла мимо, а перед тем как войти в кабинет, обернулась и улыбнулась. Сеймуру показалось, что эта встреча была не случайной, подумал он об этом мельком, и, спустившись по лестнице, постарался эту мысль, несомненно, бесполезного свойства выкинуть из памяти.

На выходные дни закуток запирали, и Сеймура усадили за отведенным ему отдельным столиком в общем зале. В эти дни немногочисленные посетители, в основном это были механизаторы, могли за отдельную плату заказать порционные блюда и напитки. Сегодня меню предлагало посетителям долму из виноградных листьев с начинкой из говядины. В первое же посещение воскресной столовой между Сеймуром и посетителями встала невидимая стена, она возникала, где бы он ни появился, и он уже к ней привык. Поэтому он не сразу понял, что один из посетителей обращается к нему.

- Извините,- сказал тот, - я хочу у вас спросить. Мне сказали, что вы Сеймур Рафибейли, внук Шахлар-бека. Это правда? - человек держал в руках бокал, широко улыбался и по всему было видно, что пребывает он в приподнятом настроении.

- Да.- сказал Сеймур,- Покойный Шахлар-бек был моим дедом.

- Я вот сейчас сижу здесь и думаю, как интересно все получается. Ему одному принадлежал весь Амбуран, вся эта земля и этот дом... Всё принадлежало ему. И еще рассказывают, что он любил шампанское. Каждый вечер бек сидел здесь на первом этаже и пил шампанское.

Сеймур ничего не знал об этой привычке деда, поэтому решил с незнакомцем не спорить.

- Это же удивительно! А сегодня сижу здесь и пью шампанское я, Идрис Мамед оглы Мамедов. А мой дед вообще не знал, что это такое – шампанское. Разве это не удивительно?

- Чего же удивительного,- добросовестно подумав, прежде чем ответить сказал Сеймур, - Пьете и пейте на здоровье.

- Нет, все-таки это удивительно! – не унимался тот,- В то время шампанское пил ваш дед, богач и знатный дворянин, а теперь, благодаря советской власти, его пью я, простой техник

механизатор. Вы чувствуете разницу? – спросил он, и у него на глазах выступили слезы умиления.

За соседними столами все замолчали. Окружающие прислушивались к их разговору с каменными безразличными лицами. Сеймур понял, что любитель шампанского не отстанет, поэтому с целью мирного завершения разговора решил пойти на компромисс.

- Отчасти вы, конечно, правы, - сказал он.- Но мой дед никогда не пил шампанское с долмой из говядины, а вы пьете и, по-моему, с удовольствием. Я подумал и понял, что разница в этом.

- А причем здесь долма? - удивился Идрис.

- Из говядины...

- Не понял... - в некотором замешательстве возразил Идрис Мамедов,- А почему это он не пил шампанское с долмой из говядины?

- Такой уж характер был у деда, ни за что не соглашался пить шампанское с долмой из говядины,- глядя в глаза Идриса, проникновенно сказал Сеймур,- Вы же сами сказали – дворянин, землевладелец, что с покойника взять? Во всяком случае, шампанское с долмой из говядины он никогда не пил. А вы я вижу, пьете. Вся разница в этом, вы согласны? – он подождал ответа, но сбитый с толку Идрис лишь обиженно покачал головой, всем своим видом показывая, что он не согласен ни с Сеймуром, ни с его привередливым дедом.

Итоги воскресной беседы подвел в понедельник заведующий столовой. Он сказал, что произошло недоразумение и, начиная с этой недели, Сеймур будет по-прежнему столоваться в подсобном помещении и поэтому ходить в общий зал по выходным дням ему уже не придется. Кроме того, перед тем как уйти, заведующий вызвал уборщицу и подавальщицу и строго настроено приказал им убрать из закутка веники и ведро и впредь поддерживать здесь чистоту и порядок. Разговорчивого Идриса Мамедова на территории совхоза Сеймур больше не встречал.

Редко случающиеся сюрпризы производят на человека особенно приятное впечатление и запоминаются надолго. Например, появление почтальона с денежным переводом неизвестного происхождения, или официальное приглашение дирекции завода на дегустацию пива с прилагаемым меню закусок из морепродуктов, могут изменить в лучшую сторону его мнение о прогрессивной части человечества. Говоря о приятных сюрпризах, уместно вспомнить, что они, подобно денежным купюрам, делятся на мелкие и крупные. В Амбурани, где Сеймур жил третий месяц, никаких сюрпризов из категории приятных не предвиделось. Поэтому сюрприз, который выпал на долю Сеймура в тот весенний дождливый вечер в Амбурани, мог смело претендовать на звание самого приятного и неожиданного. Сеймур открыл дверь и увидел ее. Это была та самая миловидная лаборантка, которую он видел в кабинете Фаталиева. Ее звали Марьям, ей было двадцать три года, и в первый приход ей очень понравилась кочегарка.

Марьям нельзя было назвать застенчивой. Каждый раз, раздевшись, она ходила весь вечер голый, не стесняясь своего тела. В темной комнате, освещенной лишь неровным пламенем

топки, ее стройное тело выглядело частью картины, написанной влюбленным художником. Говорила она безумолку, но Сеймура это не раздражало. Со временем он приучил себя только видеть ее, и это неизменно доставляло ему несказанное наслаждение, а ее беспрерывная болтовня доносилась до него как лишенный смысла, но приятный шум сопровождения.

- У тебя удивительная кожа, - сказал Сеймур, когда, перестав разгуливать, она, тесно прижавшись к нему, села на кровать.

- Что значит, удивительная? Тебе она нравится или нет?

- Очень нравится. А удивительная, потому что она всегда прохладная, даже когда очень жарко. Наощупь всегда шелковистая и прохладная.

- Хорошо, что заметил наконец... А у нас в семье у всех такая кожа,- сказала она, - У всех.

Некоторое время Сеймур добросовестно размышлял над последним сообщением.

- Поздравляю! Только я не совсем понял, у кого в вашей семье кожа похожа на твою.

- У мамы и у сестры. - сказала она, - От рождения такая кожа. Слава Богу, кремами не мажемся. Наследственность у нас такая...А вообще ты невнимательный. Ты заметил, что я всегда хожу без лифчика? А знаешь почему? Потому что у меня грудь сама стоит постоянно, без лифчика. Посмотри, посмотри. Видишь, и соски торчат кверху. Они всегда твердые. Да ты потрогай!

Сеймур убедился, что оба соска твердые и торчат кверху, после чего все разговоры о груди и коже, и на все другие темы, на некоторое время прекратились.

Они в изнеможении молча лежали рядом.

-Ты хихикаешь! – вдруг с возмущением обнаружила она. - А чего смешного? Нет, ты скажи, над чем ты хихикаешь?

- На самом деле я улыбаюсь. Мне сейчас очень хорошо, вот я и улыбаюсь, - самым серьезным тоном сказал он. Она продолжала подозрительно смотреть, и ему снова стало смешно.

- Знаю, знаю,- обиженно сказала она, - из-за лифчика. Больше ничего не буду тебе рассказывать.

Она приходила к нему по вечерам. Их свидания длились не дольше трех часов. В десять часов она быстро одевалась и торопливо выскакивала за дверь.

На вопросы Сеймура она с серьезным выражением лица каждый раз говорила, что она семейная женщина, и к десяти ей обязательно надо быть дома.

В своей кочегарке Сеймур за ненужностью не всегда знал, какое с утра число, у него и календаря не было, и он давно перестал интересоваться, какой сегодня день недели. Но через полтора - два месяца после их первого свидания он совершенно случайно обнаружил, что приходит она к нему по определенным дням недели - во вторник и пятницу. Когда он поинтересовался, отчего так происходит, она снова напомнила ему, что она семейная женщина, и все остальные дни по вечерам должна быть дома.

- Думаю, твой муж по вторникам и пятницам занят на вечерней работе,- предположил Сеймур,- Может быть, дежурит? И зря ты от меня скрываешь.

- Все-таки ты зануда! Какая тебе разница, где мой муж! Я могу приходить тогда, когда прихожу, или не приходить совсем, если тебе не хочется.

-Извини,- сказал Сеймур,- Не пойму, отчего ты вдруг рассердилась. Я спросил только потому, что это связано с тобой.

- Вот и спрашивай о том, что связано со мной. Тебе хорошо со мной? Я тебе нравлюсь? Вот я вся перед тобой. Делай со мной что хочешь. Какая тебе разница, кто мой муж, где он, он тебя тоже не знает!

- Если бы я знал, что ты так расстроишься...

Она как всегда быстро оделась и пошла к выходу.

- Когда я с тобой, я все время заставляю себя забыть, что я гуляющая девка, что изменяю мужу. И нечего мне об этом напоминать,- обернувшись, сказала она и сразу же вышла. Дверь перед Сеймуром захлопнулась в самый подходящий момент, потому что ему нечего было ей сказать.

Он пришел в закуток при столовой и там занял свое место за единственным столиком. В тот день давали рисовый суп и куриные котлеты. Он старался есть медленно, но через несколько минут, несмотря на старания продлить удовольствие, с обедом было покончено.

Путь из столовой в котельную проходил через поле, заросшее высокими, почти в рост человека, кустами тмина. Осенью здесь можно было увидеть нескольких работниц совхоза, которые после работы собирали созревший тмин. В этот холодный мартовский день на поле никого не было видно. Сеймур торопился успеть к дневному выпуску новостей, когда до него донесся звук, напоминающий жалобный писк неизвестного существа, явно небольшого размера. Рядом с кочегаркой, в двух шагах от дороги за кустом тмина на траве неподвижно лежал маленький худой щенок, он был до того истощенным, что казался скелетиком, обтянутым грязной кожей. То, что он еще живой, можно было определить только благодаря слабому писку. Когда он открыл глаза, Сеймур увидел, что они слезятся и покрыты мутной пеленой. По всем признакам было заметно, что щенку безразличен весь окружающий мир вместе с его представителем Сеймуром.

- Умереть проще всего, но ты на это не надейся,- посоветовал щенку представитель окружающего мира.- Будешь жить, другого выхода у нас нет.

Сеймур взял его на руки и отнес в кочегарку. Весил щенок еще меньше, чем можно было предположить по его внешнему виду. Во время купания щенок не сопротивлялся и перестал издавать звуки. Сеймур насухо вытер его, после чего с завернутым в полотенце щенком на руках побежал в столовую. Там он со двора зашел в кухню. Здесь он никогда не бывал. Две немолодые женщины в белых халатах молча смотрели на Сеймура со щенком.

- Извините,- сказал Сеймур,- У меня к вам огромная просьба. Мне нужен стакан молока,- он вынул из кармана несколько монет и протянул им.- Ему можно только молоко.

Одна из женщин принесла трехлитровую банку, налила в эмалированную кружку молоко и протянула ее Сеймуру.

- Кипяченое. Деньги уберите, мы молоко не продаем.

- Спасибо. Вы не представляете себе, как я вам благодарен.

Одна из женщин, та, что постарше, подошла поближе и внимательно посмотрела на щенка.

- Похоже, не жилец.

- Надеюсь, все-таки выживет.

- А для чего он вам нужен такой?

Сеймур пожал плечами:

- Подумал, может быть, наоборот, я ему нужен.

- Если будет живой, приходите за молоком завтра в это же время.

- Спасибо, приду. Меня зовут Сеймур.

- Знаем, что Сеймур. Вы в котельной работаете. А я Сурайя. Повариха Сурайя. А это моя помощница Ирада.

Молоко удалось донести, не пролив по дороге ни капли. Оно показалось ему холодным, поэтому он добавил в блюдце немного кипятка из чайника. Блюдце он вплотную подвинул к щенку, но тот и не подумал лакать. Сеймур обмакнул в блюдце палец и мазнул им по губам щенка. Пришлось это повторить несколько раз, прежде чем щенок согласился лизнуть палец. Писк прекратился, но дрожать щенок все-таки не перестал. А еще через некоторое время он все-таки начал самостоятельно лакать.

Щенок выжил. Сеймур дал ему кличку Алби, так назывался город, в котором прошли несколько лучших лет его жизни.

Кроме Алби, на территории совхоза жили шесть сторожевых собак - все немецкие овчарки. Днем их держали взаперти в просторной вольере, зато ночью они всласть наслаждались волей. Всю ночь напролет они перелаивались со всеми собаками в селении и за его пределами, рычали и грызлись между собой. Среди соседей-крестьян постоянно ходили слухи о загрызенных насмерть путниках, случайно забредших на территорию шафранного совхоза. Своих – людей, новую собаку и двух джейранов директора совхоза они узнавали издали, но, не проявляя ни малейших проявлений добрососедства, обходили их стороной.

Алби вырос в довольно-таки большую собаку с крупной головой и длинными ногами. С первого взгляда было заметно что интимная жизнь его породистых предков по крайней мере в нескольких поколениях не подвергалась контролю людей. Свободный выбор партнеров, как это иногда бывает, дал прекрасный результат в виде их потомка по кличке Алби.

У собаки была приветливая морда лайки со стоячими ушами, массивное мускулистое туловище на длинных лапах гончей и серповидной формы хвост, выражающий все оттенки настроения его обладателя. Все это сооружение было покрыто короткой шерстью двух цветов – белым с темно-коричневыми пятнами, в беспорядке разбросанными по всему телу. Ел он все, что ему предлагал Сеймур, но дополнительно к

этому самостоятельно находил и другие источники питания. Когда Сеймур в первый раз увидел, как его собака пасется в тени деревьев, он вначале решил, что проголодавшаяся собака ест траву, и успокоился, поняв, что умный пес подбирает опавшие спелые ягоды инжира и тута.

В тот вечер они - Алби и его хозяин - были одни. Говорил в основном диктор радио.

Сеймур накрошил хлеб, вылил на него полбанки мацони, перемешал все это и поставил миску на пол. С удовольствием проглотив вечернее угощение, Алби долго до блеска вылизывал миску, после чего поднял голову и с ожиданием во взгляде уставился на хозяина, который ужинал, сидя за столом.

- А ничего больше нет. – Сеймур показал собаке пустую банку из под мацони,- видишь, и у меня то же самое. Конечно, ты прав, я бы сейчас тоже съел кусок мяса. Ничего не поделаешь... Предложил бы тебе закурить, но знаю, махорку ты не любишь.

Алби махорку и впрямь не любил, поэтому, когда Сеймур закурил трубку, он отошел от стола и, удовлетворенно вздохнув, улегся на половичок рядом с пылающей топкой.

В дверь постучали. Так поздно к нему еще никто не приходил. Сеймур очень удивился, увидев Газанфара. Это был двадцатитрехлетний племянник Самандара. У Самандара было много родственников. Он их равномерно распределил по всему Амбурану, а также в соседних селах и их окрестностях. На его родственников можно было наткнуться во всех местах, приносящих пользу старательному человеку с развитым чувством благодарности. Население относилось к Самандару как к владетельному князю и знало, что его правая рука и единственный доверенный человек это Газанфар. Целыми днями он слонялся по поселку, свой длинный нос совал повсюду, давал советы и все, кто жил и работал на территории Амбурана, – сельчане, и рыбаки, и госслужащие - беспрекословно выполняли все его пожелания, так как понимали, что на самом деле они исходит от самого Самандара. Времени у Газанфара было много, официально он числился спасателем на пляже дачного поселка, но плавать не умел и на пляже не бывал даже летом. Дачники о существовании спасателя не знали, и купались в море на свой страх и риск.

Сеймур с трудом успокоил собаку, но даже лежа, она продолжала негромко рычать, не отводя глаз от Газанфара.

- А что собака здесь делает?

- Лежит,- сухо ответил Сеймур.

- На ночь она здесь остается?

- Здесь кочегарка, служебное помещение. Ночью она обычно спит там,- Сеймур кивнул на вход в свою комнату,- А почему ты спрашиваешь?

- Интересно. Я до сих пор думал, что собаки во дворе живут. И кличка у нее странная.

- Во Франции есть город Алби. Кличка в память о нем.

- Ты был во Франции?

- Да.

- Как это?!

- Переходи к делу.

- Первый раз такое слышу, Алби... У дяди Самандара, например, три собаки, все три и зимой и летом живут во дворе, службу несут, в дом ни одна не посмеет войти. И кличка у них нормальная, собачья, на всех одна – Боздар. Как крикнет Боздар, все бегут к нему со всех ног, а вместе с ними и охранник.

- Тоже Боздар?

- Нет, у него свое имя есть, бежит на всякий случай, раз зовут.

- А у тебя самого собака есть?

- Нет, мне собаки не нравятся, - Газанфар поморщился, - я ими брезгую,... Ты догадался, почему я вдруг взял и зашел к тебе? – загадочно улыбаясь, спросил Газанфар.

- Вначале нет, а теперь, кажется, понял – захотелось о собаках поговорить?

- Шутишь?.. – с сомнением в голосе спросил Газанфар, - Пришел я к тебе по поручению Самандара.- Он испытующе посмотрел на Сеймура. – Самандар сказал мне, поговори с Сеймуром, это человек умный, из хорошей семьи, мы с ним одногодки. Сеймуру я доверяю. Так и сказал – доверяю!

- Это приятно, когда тебе доверяют. Внимательно тебя слушаю. Да ты садись.

Газанфар сел за стол так, чтобы видеть собаку. Он выложил на стол перевязанный крест на крест шпагатом увесистый сверток и большую металлическую коробку из под американского порошкового молока.

- Это лично тебе. Пользуйся на здоровье! - сказал Газанфар, разворачивая сверток, в котором оказались палка твердокопченной колбасы, пачка растворимого сахара, упаковка из десяти пачек «Казбека» и пять банок сгущенного молока.

- Спасибо, это щедрый порядок. – Сеймур удивленно смотрел на разложенное на столе богатство. - И неожиданный... Скажи честно, случайно это не данайцы мне прислали?

- Кто - кто?... Нет, не они, и «Красный крест» здесь не причем. Подарок лично от Самандара. Это означает, что он к тебе очень хорошо относится.

Газанфар придвинул к Сеймуру металлическую коробку.

- А здесь что? – ему понадобилось приложить усилие для того, чтобы открыть хорошо пригнанную крышку. Все пространство кочегарки заполнил чудесный аромат шафрана, который сразу же перебил запах мазута и нагретого металла. Коробка была доверху набита плотно спрессованным шафраном. Приподняв над столом коробку, Сеймур прикинул ее вес.

- Содержимого в ней килограмма два, не меньше, - сказал он.- Это тоже мне?

- Молодец, именно два килограмма... Значит так. За коробкой через недельку-другую придет человек. Ехать ему придется издалека, поэтому день приезда пока неизвестен. Не беспокойся, вместе с ним к тебе приду я.

- Это хорошо, приходи. А у кого из вас будет коробка?

Газанфар с досадой посмотрел на Сеймура:

- Коробка будет храниться здесь в кочегарке. Самандар сказал, что твоя кочегарка самое надежное место. Здесь можно спрятать десять таких коробок, и никто их не найдет. Никому в голову не придет, что она здесь. И вообще, сам знаешь, в совхоз посторонних не пропускают.

Сеймур еще раз раскрыл коробку и с наслаждением понюхал ее содержимое. Насладившись властью, он обратился к Газанфару:

- А ты сам нюхал? Ты знаешь, чем это пахнет?

- Чем, чем? Шафраном, чем еще! – Газанфар все же встревожился, перегнувшись через стол, он попытался дотянуться носом до раскрытой коробки.

- Нет, нет, ты понюхай с этой стороны, с моей!

Пренебрежительно усмехнувшись, Газанфар обошел стол и склонился над коробкой.

- Ну?

- Почуял, чем это пахнет с моей стороны? Конечно, почуял, ты же не какой-нибудь там деревенский дурачок... Ты согласен, что с моей стороны это пахнет расстрелом? По глазам вижу, ты со мной согласен.

- Какой расстрел, почему расстрел?..- заверещал от неожиданности Газанфар, - Странные вещи говоришь.

- Странные? Ты знаешь, сколько стоит килограмм шафрана?

Газанфар раздраженно пожал плечами:

- Я шафран не покупал и не продавал, но знаю, что дорого. Ну и что?

- Я скажу тебе. Килограмм шафрана стоит дороже килограмма золота. Немного, но дороже. Стоимость шафрана со временем не меняется. Теперь ты скажи мне, что будет, если у меня, лишенца, найдут два килограмма шафрана? В совхоз посторонних не пускают, и вообще спрятать коробку в кочегарке могу только я. Значит, и украл я. А дальше меня как расхитителя народного имущества в особо крупных размерах расстреляют еще до приезда твоего приятеля. Ты знаешь, что такое расстрел? А я видел несколько раз.

- Ну ты, бояк! Никто не будет знать, что коробка здесь. Слава Богу, никогда ничего здесь не искали. До тебя каждую осень прятали, и до сих пор ничего не случилось. Самое безопасное место.

- Это для тебя оно безопасное и для твоего дяди. Поэтому поскорее уходи со своей коробкой. Вставай, вставай!

Газанфар с любопытством смотрел на Сеймура.

- А ты Самандара не боишься? Я серьезно спрашиваю.

- Я тоже серьезно. Конечно, боюсь Самандара. И тебя тоже. Ты даже представить себе не можешь, какой я пугливый. Всех боюсь.

- Поступай, как знаешь,- Газанфар взял со стола коробку,- но о нашем разговоре забудь.

- Ты тоже. И сверток с продуктами заberi!

- Подарок Самандара нельзя брать назад, он останется здесь! – гордо отчеканил Газанфар и величественной походкой направился к выходу. Величественными получились первые три шага, потому что проснувшийся Алби вдруг громко залаял и погнался за Газанфаром, а тот с громкими проклятиями, резким рывком преодолев расстояние до выхода, успел захлопнуть дверь перед самым его носом.

За весь последующий после этого год Сеймуру довелось увидеть Самандара всего несколько раз, когда тот по каким-то делам захаживая в административный отдел, проходил мимо кочегарки. Но один раз Сеймур был вынужден обратиться к нему с просьбой. Самандар неохотно остановился, когда Сеймур, поздоровавшись, сказал, что им нужно поговорить. Самандар по инерции сделал еще два шага, и после этого развернулся к Сеймуру массивным туловищем.

- Если нужно, говори,- неприязненно глядя мимо собеседника куда-то вдаль, сказал он,- только короче, у меня дела.

- Через две недели исполняется пятая годовщина смерти моей матери. Я хочу навестить могилы родителей, они похоронены рядом. Поездка на кладбище займет не более двух часов. Отпустите меня в сопровождении охранника. – сказал Сеймур.

- Это ты хорошо придумал,- усмехнулся Самандар,- только где я охранника возьму, чтобы он тебя сопровождал. Ты хоть соображаешь что говоришь? Ты же знаешь, что тебе запрещено приезжать в Баку.

- Мне запрещено жить в Баку, а на счет посещения кладбища или проезда через город в инструкции нет ни слова.

- Нет, так добавим! Твои родители похоронены в Аллее почетного захоронения. Правильно? Что люди подумают, если тебя увидят в таком месте? Что они мне скажут? Нет, я из-за такого как ты закон нарушать не буду,- Самандар вошел в раж, от возмущения его квадратное лицо побагровело,- Слушай, ты хоть подумал, с каким лицом предстанешь перед могилой своих родителей?! Если бы они были живы, они от тебя отказались бы. Совесть у тебя есть? Иди, займись кочегаркой!

И Сеймур отправился в кочегарку, действуя машинально, проверил давление пара и прочистил форсунки. Подошел Алби и лизнул ему руку. Горло ему перехватило, и заговорил он не сразу.

- Ничего Альби, обещал же один великий человек – и на нашей улице будет праздник. А вдруг и мы с тобой дождемся.

В столовой, прежде чем уйти, Сеймур завернул одну котлету в салфетку, изготовленную из какой-то специальной водоотталкивающей бумаги, и положил ее в карман куртки.

Выстрел он услышал, выйдя из столовой, но не придавал ему значения, сезон охоты на дичь уже наступил, и по выходным дням на побережье из Баку съезжалось множество охотников. Он встревожился, когда издали увидел у здания кочегарки охранника Гахрамана, тот, наклонившись, что-то разглядывал в траве. Подбежав, Сеймур увидел у его ног Алби. Собака была вся в крови и громко скулила от боли, но когда подошел Сеймур и сел рядом с ней, скулить перестала, и тихо постанывая, прижалась к нему головой. Рана была на бедре, кровь продолжала обильно течь. Сеймур принес из кочегарки чистую рубашку, сложил ее вчетверо, плотно приложил ее к ране и попросил Гахрамана поддержать, пока он сбегает, поищет доктора.

- А чего его искать? Он весь день сидит в медпункте, играет с кем-нибудь в нарды, - сказал Гахраман – Только возвращайся поскорее, пока не увидели, что ворота без охранника.

Доктор, высокий человек спортивного сложения лет двадцати пяти по имени Аслан, действительно играл в нарды с человеком с забинтованной головой, видимо, своим пациентом. Продолжая играть, он выслушал Сеймура.

- Дорогой мой, пойдито я с вами, может быть, и пойду, но должен предупредить, вам нужен ветеринар. А я терапевт.

- Я это знаю. Собаку перевяжу я, вы скажете, что делать...Я вас очень прошу.

- Вернусь, продолжим, без меня к доске не подходи, то есть, до шашек не дотрагивайся. Пузырь со льдом держи на голове до моего возвращения. Понял? – строгим голосом сказал он партнеру, затем, продолжая говорить на ходу, подошел к стеклянному шкафу, взял с полки какие то инструменты, вату и бинты и все это побросал в хозяйственную сумку.

- Пошли, там разберемся.

К их приходу Гахраман продолжал сидеть в прежней позе рядом с Альби.

-Твоя работа? – кивнув на Алби, спросил Гахрамана доктор.

Тот задохнулся от возмущения.

- Вы что говорите?! Как можно такое...

- Не ты, так и скажи, а кричать не надо. Нужен стол. Где у вас стол?

Сеймур и Гахраман перенесли Альби в кочегарку и уложили на стол. На траве, там, где лежал Алби, осталась лужица запекшейся крови. Доктор посмотрел на нее и покачал головой

Осторожно прикасаясь пальцами, он ощупал рану, позвоночник, после чего, ухватившись за хвост у самого основания, несколько раз с усилием нагнул его в разные стороны. Хвост каждый раз возвращался в прежнее положение. По-видимому, доктору это понравилось, но не Алби, он заскулил сильнее.

- Нравится, не нравится, терпи. Я хоть не ветеринар, но могу сказать, что позвоночник цел. Будет ходить, бегать и прыгать. Займемся раной.

- Хотите, я вам помогу,- предложил Сеймур,- Вообще-то он не кусается.

- А почему он меня должен кусать? Он умный пес и чувствует, что я хочу купить ему кусок говяжьей печенки, – нарочито льстивым голосом сказал доктор. Разговаривая, он вытаскивал из раны дробины. - Дробь мелкая, на перепелов, кучное попадание, – он вынул последнюю дробины и смазал рану какой-то мазью с острым неприятным запахом, после чего плотно перебинтовал бедро.

Вскипятив на плите воду в металлической коробке со шприцом и иглами, доктор сделал в раненное бедро укол.

- Обезболивает и успокаивает, - объяснил он Сеймуру. - Со стола он может во сне свалиться, лучше уложить его на полу.- Теперь слово за природой.- Он слил в раковину воду из коробки со шприцами и собрался уходить. - Кто это сделал? Говори!

- А я откуда знаю!?- обиделся Гахраман, - У всех уже привычка такая, как что, так Гахраман.

- Не кричи. Будешь кричать и врать - у тебя вырастет хвост. Здесь у многих уже хвосты выросли, под одеждой незаметно пока,- для Сеймура доктор счел нужным дать дополнительное пояснение.

- Удивительная история, здесь все врут, микроклимат, наверное, здесь такой.

- Я вам очень благодарен,- сказал Сеймур,- но врачу полагается гонорар. Скажите, пожалуйста, сколько я должен?

- Ну вот, - сказал доктор,- я вам собаку лечу, а вы мне говорите обидные вещи. Завтра утром зайду, посмотрю, как больной себя чувствует. До свидания.

- Гахраман, я и сам догадываюсь, кто это сделал,- оставшись наедине с охранником, сказал Сеймур,- Но мне надо знать точно. Ты видел, кто ранил собаку? Говори, ты же знаешь, я тебя не выдам..

- Кто? Ты думаешь, доктор сам не догадался, что это Самандар? Еще посмотрим, у кого хвост вырастет!- сказал Гахраман.

- Алби лаял на него?

- Алби смотрел в сторону столовой, он ждал тебя. Самандар и Газанфар проходили мимо. Самандар прицелился и выстрелил, а мне сказал, что пошутил. Когда собака упала и задержала ногами, они засмеялись и ушли.

- Гахраман, мы же с тобой друзья? Ты мне разрешишь на полчаса, от силы на сорок минут, отлучиться от совхоза. У меня срочное дело в сельсовете. Вполне официальное.

- Что я могу сказать? Иди, только не задерживайся.

Расстояние до сельсовета он пробежал на одном дыхании. Самандар был в кабинете один. При виде Сеймура он оторопел от неожиданности и смотрел на него так, как будто увидел привидение.

-Ты, ты как здесь оказался? – сказал он, прежде чем Сеймуру удалось перевести дыхание. – Тебя кто выпустил из совхоза?

- Ты почему стрелял в мою собаку? - Сеймур старался говорить спокойно.

- Посмотрите на этого обнаглевшего зека! Ты с кем разговариваешь? «Почему стрелял в мою собаку?»- передразнил он Сеймура. - Потому что она такая же наглая, как ты, жалею, что не убил. А я тебе разрешал заводить собаку?.. Всегда говорил, и буду повторять, что никого напрасно не сажают! Все-таки ты очень наглый негодяй! И опасный, я тебя с первого взгляда раскусил, – он потянулся к телефону.- Сейчас, сейчас... Сперва посидишь до суда месяц в карцере, а потом тебя навсегда отправят куда надо,- он набрал номер, но на другом конце провода трубку не взяли.

- Не отвечают? - сочувственным тоном спросил Сеймур. – Тебе очень не повезло, что не отвечают.

- Дозвонюсь, не сомневайся! Свое получишь. Сполна,- уверил его Самандар, - Ты чего это?! – он вскочил, с шумом отодвинув кресло, и уставился на Сеймура, когда тот обошел стол и подошел к нему вплотную.

- Не надо было стрелять в собаку!- с сожалением сказал Сеймур, и тут же сделал, наконец, то, что давно ему хотелось. С Самандаром он был одного роста и тот стоял неподвижно. При таких условиях качество удара всем корпусом правой в самандарову челюсть признал бы безупречно правильным даже его институтский тренер Агаларов. И тут же, почти одновременно с ударом в челюсть, он сделал то, что до глубины души возмутило бы любого тренера, с размаху ударил ногой Самандара в пах. Обмякшее тело он подхватил в падении, и, обхватив его толстую шею правой рукой, несколько раз ударил квадратной головой о стену, монотонно приговаривая при этом – не будешь больше стрелять в собак, не будешь делать гадости людям, не будешь стрелять в собак, не будешь...

Он отпустил шею, и вместе с ней на пол рухнуло все остальное. Самандар лежал на спине посередине своего кабинета с закрытыми глазами, из его носа стекала на мундир тонкой струйкой кровь. С давно не испытываемым чувством удовлетворения Сеймур подошел к умывальнику и умылся. О неизбежных последствиях происходящего он думал, но не испытывал при этом ни малейшего страха. Сеймур потянулся за полотенцем и вдруг увидел, что Самандар очнулся и внимательно наблюдает за ним. Тот сразу же закрыл глаза, но было уже поздно.

- Ах ты, мошенник! – наклонившись над ним, с легким упреком сказал Сеймур, - Прошел, значит, у барышни обморок, а она молчит?

Несмотря на шуточный тон Самандар истолковал эти слова как сигнал опасности и машинально закрыл лицо руками.

- Бить не буду. Я уже руки вымыл, - успокоил его

Сеймур. - Пожалуй, побегу. Ты можешь себе такое представить, какой-то мерзавец ранил мою собаку? Вот вспомнил сейчас, и меня всего опять затрясло от злости. Ты случайно не знаешь, кто бы это мог быть? Знаешь?

Самандар с сожалением покачал головой, проникновенным взглядом давая собеседнику понять, что он скорбит вместе с ним, но ему, Самандару, ничего по поводу раненной собаки неизвестно.

Выйдя из кабинета, Сеймур увидел во дворе Газанфара, который, судя по дымящимся судкам на большом подносе, привез Самандару обед.

- Ты здесь прогуливаешься, а твой больной дядя как раз в этот момент лежит без сознания в кабинете на полу,- сообщил ему Сеймур. - Если помрет, тебе от этого лучше не будет.

Побледневший Газанфар застыл на месте:

- Как болен? Что с ним?

- Уши. Нужно срочно сделать компресс на оба уха. Иначе помрет от боли. Сковородка у тебя есть? Надо на сковородке сильно нагреть соль, завернуть ее в тонкую тряпочку и приложить поочередно к обоим ушам. Беги! – несмотря на сочувственный тон Сеймура, Газанфар все-таки насторожился.

- А ты что здесь делаешь?!

- Блестящую карьеру я здесь делаю... А дядя твой как раз в эту минуту умирает в судорогах. Беги, дурачок, пока не поздно!

Газанфар положил поднос на землю и, невнятно причитая, побежал к крыльцу.

Охранник Гахраман ждал Сеймура у ворот.

- Я боялся, что тебя не отпустят,- с заметным облегчением сказал Гахраман.

- Кто меня не отпустит?

- Как кто? Самандар! Я боялся, что тебя посадят за то, что ты ушел, а меня за то, что я тебя выпустил. Стоял и ждал прихода Самандара или Газанфара, А тут смотрю, ты идешь, обрадовался.

- Рано обрадовался. Все еще впереди, - пообещал Сеймур.- Ты не знаешь, Фаталиев здесь?

- С утра здесь и никуда не уходил. Он весь день у себя в лаборатории.

- Ладно, пойду к Фаталиеву. Гахраман... Если у тебя будут неприятности, вина моя, извини.

- Если будут неприятности, какая мне разница, кто виноват,- подумав, сказал Гахраман.

Прежде чем идти в лабораторию, он зашел в кочегарку проведать раненого.

Алби не спал. Завидев Сеймура, пес попытался встать и слабо вильнул хвостом, а когда Сеймур наклонился долить в поилку свежей воды, все-таки изловчился и лизнул его в нос.

Фаталиев что-то объяснял двум лаборанткам. Марьям не было. К приходу Сеймура он отнесся как к обычному явлению, скорее даже приятному, приветливо улыбнулся и провел его в свой кабинет.

Сеймур сказал, что пришел к нему с просьбой. Дело необычное, но для него, Сеймура, чрезвычайно важное. Обратиться кроме Фаталиева не к кому. После этого, давшегося с трудом предисловия, он попросил Фаталиева позаботиться о собаке в связи с предстоящим отсутствием ее хозяина. Просил в убедительных и теплых выражениях.

- С твоей собакой все уладится. Я обещаю. Теперь поговорим о тебе, дорогой друг. Может быть, расскажешь, что произошло?

Слушая Сеймура, общественный представитель внутренних органов Ахлиман Фаталиев старел на глазах.

- А нельзя было без этого обойтись? – спросил он, так как будто теперь это могло иметь значение.

- Нет. Невозможно.

- Понимаю. Ты из-за минутного удовольствия поставил под угрозу свое будущее, а может быть даже жизнь. Скажу честно, я растерян. Ты понимаешь, что с минуты на минуту за тобой должны придти? Так... Давай-ка подумаем вместе. Прежде всего, Самандар должен поставить в известность товарища Назимова. Обязан! ...Хорошо бы, если бы мне удалось встретиться с ним раньше Самандара.

- А что это даст? – усмехнулся Сеймур.

- Хоть что-нибудь, может быть, и даст... Надо использовать любую возможность. Ты посиди здесь, а я поднимусь в кабинет директора, и позвоню товарищу Назимову. Конечно, это не телефонный разговор, но позвонить надо. Расскажу ему, что произошло, и попрошу его.. .

- О чем? – невесело усмехнулся Сеймур.

- Еще не знаю, - откровенно признался Фаталиев. – Но просить буду.

- А может, не надо просить Назимова. Мне не поможет, а Назимов, если ему понадобится, вашу просьбу может использовать против вас. Я знаю о таких случаях.

Фаталиев улыбнулся.

- Спасибо за заботу о судьбе престарелого товарища. Жди меня здесь и никуда не уходи.

На телефонный разговор Фаталиева с Назимовым Сеймур никаких надежд не возлагал. Да и ко всему, что может произойти, он относился с надежно выработанным безразличием. Но теперь он был спокоен, потому что Фаталиеву он верил, и был убежден, что собака на улице не останется.

Фаталиев вернулся минут через двадцать. Он не скрывал удивления.

- Товарищ Назимов узнал о том, что произошло в кабинете Самандара, только сейчас от меня. Самандар ему еще не звонил. Это удивительно... Странно и подозрительно. Слушай, ты его случайно не убил?.. Ладно, будем ждать приезда товарища Назимова.

- А директор совхоза вам что сказал?

- Директор, когда я прихожу звонить, сразу выходит из кабинета. Я ведь, хоть и общественный, но как-никак уполномоченный органов внутренних дел, – усмехнулся Фаталиев, - Уважают.

Лаборантка принесла им чай. Сеймур удивился, увидев, что вместо чая она принесла стаканы с кипятком. Все объяснилось, когда Фаталиев пинцетом вынул из маленькой

картонной коробочки несколько тычинок шафрана и опустил их в оба стакана. Каждый стакан он накрыл блюдцем, для того чтобы, по его словам, чай настоялся.

- Это своего рода научный эксперимент. Причем исключительно приятный. Настой шафрана – стимулятор нервной системы, - объяснил он Сеймuru,- после шафранного чая у большинства людей улучшается настроение и нормализуется давление крови. Все данные мы заносим в этот журнал. Сейчас впишу в него и твое имя.

Сеймур выпил чай необычного рубинового цвета, но настроение его от после этого не изменилось.

- Стабильный эффект наблюдается спустя две недели каждодневного употребления,- шафран замечательное растение. А вы знаете, как выглядит отравление от больших доз шафрана? Если стакан шафрана залить кипятком и полученный настой выпить, то у человека начнется неудержимый приступ смеха, который через полчаса закончится параличом органов дыхания.

- Это как от укуса тарантула? Или я что-то путаю, но где-то еще в той жизни я читал, что укушенные тарантулом перед смертью не то заливаются смехом, не то танцуют. Считается, что так произошло название танца – тарантелла. Конечно, я что-то перепутал. – попытался предложить свою версию Сеймур.

Фаталиев неопределенно пожал плечами:

- Может быть. Но не на Кавказе. Это в Америке или Африке укус тарантула смертелен. Здешние тарантулы помельче - их яд не смертелен. Меня лет десять назад в мингечаурской степи укусил за плечо тарантул. Смеяться и танцевать не хотелось, я только корчился от боли. И осложнений с дыханием не было. Через несколько дней прошло.

Сеймур чувствовал, что, затеяв беседу о шафране и тарантуле, Фаталиев что-то обдумывает:

- Не скрою от тебя, мне вот что интересно. Самандар сильное и злобное животное. Здешним крестьянам и рыбакам он известен как большой любитель рукоприкладства. Его здесь все боятся. А у тебя на лице ни царапинки. Как это получилось?- с сомнением в голосе спросил Фаталиев.

- Не знаю. – Сеймур улыбнулся, - Может быть, все дело в раненой собаке.

- Значит, из-за раненой собаки... Удивляюсь, что Самандар не застрелил тебя в своем кабинете. Ему никто слова не сказал бы... Ну ни одной царапинки. Ты просто неправдоподобно везучий, - невесело усмехнулся Фаталиев,- Ладно, пусть так. Поглядим, чем это везение обернется завтра.

Они попрощались. Фаталиев был встревожен и не старался это скрыть, - от завтрашнего дня хорошего он не ждал.

Сеймур около часа простоял в саду перед зданием. Ему очень хотелось перед неизбежным отъездом попрощаться с Марьям, но ее нигде не было видно.

Ночью Алби мучили тревожные сны, он жалобно поскуливал, в перерывах на кого-то лаял, но как только Сеймур подошел к нему, замолчал. По тому, как он в один прием проглотил

вчерашнюю котлету, было видно, что проснулся он в хорошем настроении. Нос его был все еще теплый и сухой. Но глаза были блестящие, и смотрел он ими на своего хозяина как всегда с обожанием и вполне жизнерадостно.

Кто-то постучался. Сеймур распахнул дверь, это пришел доктор Аслан. Он принес своему пациенту обещанный подарок, увесистый кусок свежей печени. Состоянием здоровья Алби он остался доволен, сказал Сеймуру, что через неделю-другую здоровье восстановится полностью.

После ухода доктора Сеймур позвал собаку на прогулку, отозвалась она с готовностью, но во двор вышла, заметно прихрамывая на заднюю ногу.

- Итак, что мы имеем? - сказал Сеймур, - Теперь мы хромые, причем оба на левую ногу. Вижу по морде, тебе это кажется смешным. А вот мне, скажу тебе откровенно, в ожидании приезда Назимова и сопровождающих лиц совсем не смешно.

Назимов приехал утром. Чувствовалось, что настроение у него плохое, обычно бледное лицо было землистого цвета, а в полумраке кочегарки казалось зеленоватым и еще более исхудавшим. Он усадил Сеймура за стол напротив окна и некоторое время с нескрываемым интересом молча разглядывал его.

- Расскажите, что произошло, после того как вы самовольно покинули территорию совхоза, - сказал он, выложив на стол блокнот и ручку. – Предупреждаю, ничего не скрывая.

Сеймур подробно рассказал обо всем, что произошло в сельсовете. Назимов внимательно слушал, но ничего не записывал.

- Теперь покажите, как именно вы били Самандара. Подробно. Итак, он сидел за письменным столом, вы подошли к нему, он вскочил... Показывайте!

Сеймур изобразил удар правой в челюсть, после чего предельно похоже показал, как ударил его ногой в пах.

- С размаху, значит, ногой в пах? – потирая руки, но все тем же сухим тоном уточнил Назимов, - Удар был нанесен вами наверно вполсилы? Удар с размаху ногой в пах, это вам не шутки!

Сеймур упираться не стал:

- Можно сказать, бил в полную силу, - Он чуть не онемел от удивления, когда ему вдруг показалось, что Назимов слушает его с откровенным выражением удовольствия на отчасти порозовевшем лице.

Властным жестом он прервал дальнейшее повествование Сеймура в той части событий, в которой произошла встреча с Газанфаром.

- Не отвлекайтесь! Итак, сколько раз вы ударили Самандара головой о стену?

- По-моему, три – четыре раза, - подумав, сказал Сеймур.

- Что значит, по-моему? Точнее!

- Четыре раза.

- А когда он лежал на полу, сколько раз вы его пнули ногой?

- Ни разу.

- Почему? - заинтересовался Назимов, - Как могло произойти, что вам вдруг расхотелось?

- Ну... он уже лежал и еще мне показалось, что он сильно напуган, наверно, поэтому.

- Неубедительно, - Назимов недовольно пожевал губами. - Он лежал на спине?

- Да.

- Вот мне непонятно, почему в самый подходящий момент вы его не пнули ногой в ребра, хотя бы два-три раза. Это странно... Вы отдаете себе отчет в содеянном? - спросил Назимов. - Вам известно, что нападение зека на представителя власти строго карается законом? Вплоть до высшей меры!

Сеймур в ответ молча кивнул головой.

- Это хорошо, что знаете. Не забывайте об этом!

Назимов позвал водителя и попросил его позвать товарища Фаталиева.

Дознание в устной форме продолжилось и после прихода Фаталиева.

- Что у вас здесь происходит, уважаемый товарищ Фаталиев?! По дороге в совхоз я заехал в сельсовет и что? Пусто, никого нет. А племянник руководителя совхоза официально сообщил мне, что товарищ Калантарлы вчера был отправлен домой в связи с полученными травмами. Он представил мне справку из районной поликлиники. В справке, заверенной главврачом, указано, что у Самандара Калантарлы обширная гематома на волосистой части головы, подозрение на сотрясение мозга, повреждение левой лицевой кости, а также обширный отек и воспаление мошонки. В связи с чем Калантарлы на весь период лечения в стационаре освобожден от работы. Племянник официально утверждает, что все эти повреждения были получены на его глазах при падении товарища Калантарлы лицом вниз со скалы на другую, нижестоящую скалу во время охоты. Не понимаю, почему в рабочее время руководитель сельсовета охотится? На кого этот проходимец охотился?

- На уток, товарищ Назимов, на диких уток.

- Вы составили список свидетелей происшествия?

- Кроме племянника, ни одного свидетеля не было. Надо его опросить?

- Племянник уже дал показания, собственноручно в письменной форме... сухим тоном сказал товарищ Назимов, - Настоятельно прошу вас, дорогой товарищ Фаталиев, в будущем во избежание недоразумений предоставлять мне сведения о таких серьезных происшествиях своевременно.

Фаталиев в ответ молча кивнул головой. Вид у него был растерянный. Возникла долгая пауза, в конце которой Назимов встал, давая понять участникам расследования, что вопросов у него к ним не осталось.

Он попрощался, обменявшись рукопожатием не только с Фаталиевым, но почему-то и с Сеймуром. Перед тем как уйти, Назимов подошел к Алби, который насторожился при его приближении, но не зарычал.

- Сразу видно - славный песик! Как сказал товарищ Дзержинский на слете передовиков пограничников: – «собака - верный друг человека», - одобрительно повторил Назимов слова Дзержинского, упорно не замечая запачканную кровью повязку на бедре друга человека. – Как зовут собачку?

- Алби, - сказал Сеймур

- Алби. Интересно. Это что, сокращенно от Альбиона? От туманного Альбиона. В честь Великобритании?

- Не совсем, - опередив Сеймура, осторожно объяснил Фаталиев, - Кличка в память небольшого города Алби во Франции. Там мэр города коммунист.

- Это правильно, товарищ Фаталиев - продолжил Назимов, не отходя от Алби, - что вы разрешили завести при кочегарке служебную собаку. Но хорошее дело надо доводить до конца. Поэтому обратитесь, пожалуйста, от моего имени к директору совхоза, пусть он обеспечит собаку Алби довольствием наряду с другими сторожевыми собаками совхоза.

Алби все-таки глухо заворчал, но Назимов пожелал истолковать это как проявление благодарности.

- Все-таки очень умная собака,- сказал он и в сопровождении Фаталиева вышел из кочегарки.

Сеймур пошел провожать Фаталиева.

- Должен вам признаться, я ничего не понял – сказал Сеймур.

Прежде чем заговорить, Фаталиев по привычке оглянулся по сторонам:

- Это потому, что вам ничего неизвестно об отношении товарища Назимова к Самандару Калантарлы. Я вам кое-что расскажу, но, надеюсь, все это останется между нами,- он говорил громким шепотом,- Назимов терпеть не может Самандара, и откровенно презирает его еще с тех пор, как Самандар работал в органах. В то время Самандар был начальником закрытого лагеря строгого режима под Кировабадом. В основном там содержались бывшие чекисты и бывшие работники милиции и прокуратуры. Как стало известно позже, Самандар в течении трех лет занимался самоуправством, за малейшую провинность собственноручно истязал заключенных. Ему не только все сходило рук, за семь лет службы ему дважды объявляли благодарность. Он вошел во вкус и незаконно застрелил оскорбившего лично его заключенного, якобы при попытке к бегству. Дело получило огласку, и его отстранили от занимаемой должности.

- Все это произошло после того, как расстреляли товарища Берия?

- Бывшего товарища Берия. До того. Мне рассказывали, что, давая показания офицерскому суду чести в центральном аппарате НКВД, Самандар свои действия объяснял желанием укрепить дисциплину, полностью расшатавшуюся при прежнем руководстве. Чекисты лишили его звания майора, и он с позором был изгнан из системы органов

внутренних дел. Вот и все. Самандар оказался в Амбуране председателем сельсовета, только благодаря родству с Афрасиабом Куткашенлы, который возглавляет наш район.

- А Назимову известно, что здесь вытворяет Самандар?

- Товарищу Назимову известно все! – внушительно сказал Фаталиев. – Но против Самандара он бессилён. Самандар политически подкован, неоднократно доказывал преданность партии. И самое главное, первый секретарь сталинского райкома партии товарищ Куткашенлы женат на сестре Самандара. Он всеми уважаемый и очень влиятельный человек в республике.

- Согласен. Товарищ Назимов, несомненно, доволен ухудшением здоровья Самандара, в конце концов, я сделал то, что хотелось бы сделать ему. Но с какой стати товарищ Назимов сделал вид, что поверил в историю с охотой? Ведь, арестовав меня, товарищ Назимов мог бы получить дополнительное удовольствие от выполнения служебного долга.

- Не все так просто, не все так просто. Я все время над этим думаю,- признался Фаталиев.- Товарищ Назимов всегда был законником. Согласен, сегодня он повел себя странно.

Все это действительно выглядело странным и необъяснимым, и Сеймур вдруг подумал, что может быть, где-то вдалеке от шафранного совхоза происходят какие-то события, о которых ни Фаталиеву, ни ему здесь ничего неизвестно.

- Как в Тайшете,- вслух подумал Сеймур.

- Что в Тайшете,- спросил Фаталиев.

- Там тоже иногда происходили необычные явления, - туманно пояснил Сеймур.

На прощанье Фаталиев сказал Сеймуру, что прежде всего он зайдет к директору совхоза, чтобы передать пожелание Назимова об официальном выделении продовольственного пайка и ошейника служебной собаке по кличке Алби.

Вернувшись в кочегарку, он поздравил «служебную» собаку с переходом на казенное довольствие, а затем включил радио. Из Москвы передавали последние известия. То, что услышал Сеймур, показалось ему невероятным: « В Баку в клубе имени Дзержинского сегодня начался судебный процесс по делу бывшего Первого секретаря Центрального комитета компартии Азербайджана Мир-Джафара Багирова. Государственным обвинителем на суде выступает товарищ Руденко».

Он не мог усидеть в кочегарке, и в надежде что-то узнать отправился к Фаталиеву. Сообщение Сеймура Фаталиева расстроило:

- В Азербайджане все очень удивились, когда его без всяких объяснений сняли с работы, а теперь... Вы не ошиблись, вы сами слышали, что товарища Багирова судят?

- Нет, конечно, не ошибся.

- Непонятная история, непонятная с начала до конца. На своем посту он сделал для страны столько хорошего. Все, что было сделано во время войны в Азербайджане – это его заслуга, а теперь судят! - Фаталиев был потрясен и не скрывал этого.

- Его сын в Баку живет? Меня с ним в один день отправляли на фронт.

- С войны он не вернулся. Сообщили, что он героически погиб на фронте... Значит Багирова судят? Невероятно! Теперь я понимаю, чем сегодня был так расстроен товарищ Назимов.

- Вы давно знакомы с Назимовым?

- Шесть лет. Мы познакомились шесть лет назад, когда совхоз наводнили крысы. Тысячи крыс кишели на полях, они пожирали все, что им на пути попадалось, съедали побеги и цветы, выкапывали луковицы шафрана. Руководство района обращалось за помощью в министерство сельского хозяйства, в республиканскую санэпидстанцию. Специалисты приезжали, изучали обстановку, что-то каждый раз делали, но результатов от их деятельности не было. Крысы травили ядом, ставили десятки капканов, а их становилось еще больше. От посевов шафрана в тот год ничего не осталось. Это был невиданное бедствие, катастрофа. Единственное в Советском Союзе шафранное хозяйство безнадежно погибало на глазах. А для меня это была личная трагедия, рушилось дело всей моей жизни. Тогда я написал письмо в НКВД. Кроме меня никто не согласился его подписать, отговаривали и меня. Я поехал в город и там передал его дежурному у входа. На следующий день приехал товарищ Назимов. Так мы познакомились. Он вместе со мной походил по полям и уехал. А еще через два дня на нескольких автобусах приехали люди не то в комбинезонах, не то в скафандрах. Судя по всему, военные, целый полк. Они эвакуировали с территории всех служащих, даже сторожевых собак заперли в здании, и приступили к обработке полей. Скажу вам, зрелище очень неприятное! Что они там делали, не знаю, могу только сказать, что ядохимикаты они не употребляли. Команда из двенадцати человек, на с виду бронированных машинах, работала всего три дня. Это притом, что площадь полей составляет почти сто гектаров. Крысы выскакивали из нор и в судорогах умирали на поверхности. Свыше двухсот тысяч дохлых крыс. В тот же день их всех до одной собрали люди в защитных костюмах и увезли в закрытых контейнерах. Товарищ Назимов сказал мне, что это новейшее экспериментальное оружие. Решили вначале испытать его на крысах. Прошло шесть лет, хозяйство полностью восстановилось, а на всей территории совхоза невозможно найти ни одной крысы. Всё благодаря Назимову. Вот тогда-то он официально был назначен куратором нашего поселка. Я всю жизнь буду благодарен ему и его организации. Я вам говорю со знанием дела: если бы не НКВД, единственный шафранный совхоз давно прекратил бы свое существование.

- И вы с тех пор общественный представитель внутренних органов?

- Я всегда чувствовал, что тебе это не нравится?

- Нравится, честное слово, нравится,- искренне сказал Сеймур, - На счет органов не скажу ни слова, а вот должность общественного руководителя мне нравится. Зарплата хорошая?

Фаталиев сказал, что зарплату ему не платят, но дал понять, что общественный представитель обладает кое-какими льготами, и при этом пользуется подчеркнутым уважением и поддержкой начальства по всем вопросам, связанным с его основной служебной деятельностью, в том числе и бытовыми проблемами, время от времени возникающими у его сотрудников.

Преимущества звания общественного представителя подтвердились, когда Фаталиева стали приглашать на заседания суда во дворце имени Дзержинского. Рассказывал об этом событии он взволнованно, местами даже с восхищением.

- Ты не представляешь себе, как он себя достойно ведет! Вместе с ним по делу проходят бывшие руководители НКВД и МВД Сумбатов-Топуридзе и Атакишиев. – ничтожные трусливые люди. На глазах огромного зала чуть ли не на коленях умоляли о снисхождении, Атакишиев тот даже заплакал. А ты знаешь, как на это отреагировал товарищ Багиров? Он рассердился и сказал Руденко: « Оставь их в покое, ты-то знаешь, что они выполняли только мои приказы! И ответственность за все несу только я!» С генеральным прокурором Руденко он разговаривал на «ты», а тот неизменно обращался к Багирову на «вы». Причем каждый раз непременно вежливо, и в спор с ним не вступал, только каждый раз говорил, «это ваше показание, гражданин Багиров, будет приобщено к делу». В зале все понимали, что генеральный прокурор Руденко, которому прекрасно известно, что товарищу Багирову признаваться не в чем, вынужден вести процесс на пустом месте. Неужели его могут признать виновным? – он почему-то с надеждой посмотрел на Сеймура, но тот молча покачал головой. Благодаря опыту, полученному в лагере, он был уверен, что по причинам, неизвестным непосвященным вроде Фаталиева, система отторгла Багирова, и он обречен, а суд - это всего лишь зрелище для тех, кого система допустила в зал. Фаталиев испытующе посмотрел на Сеймура. Ему явно хотелось что-то сказать, но решился на это он не сразу:

- Сеймур, я вам доверяю... Мой старый друг, он член ЦК компартии Азербайджана, рассказал мне, что товарищу Багирову на следующий день после ареста Берия звонил из Москвы товарищ Хрущев и спросил его мнение о Берия, которого должны были судить как врага народа и агента международного империализма. На это Багиров сказал, что он знает Лаврентия Берия по совместной работе в Баку и Москве как верного ленинца, который всю жизнь боролся с врагами народа в мирное время, а с первого дня войны стал одним из организаторов победы советского народа! Багиров был готов представить в Политбюро свое мнение о Лаврентии Берия в письменном виде, но товарищ Хрущев его предложение отклонил, сказал, что необходимости в этом нет. Может быть, его поэтому решили устранить?

- То есть, потому что Багиров не согласился с Первым секретарем ЦК КПСС?

Хмурый Фаталиев в ответ кивнул:

- Да. Как член партии он, конечно, нарушил субординацию. Это серьезный проступок, но не преступление. Может быть, за это следовало дать ему выговор по партийной линии, или с учетом былых заслуг перед партией и государством ограничиться устным порицанием, но не судить. Судить его не за что. Я же сам был на суде. Его обвиняют в преступлениях, которые он не совершал. Багирову памятник надо поставить при жизни, а его судят!

- Неизвестно еще, чем суд закончится. Неужели вы можете подумать, что в нашей великой стране среди бела дня могут ни в чем неповинного человека отправить в тюрьму или, еще хуже, в концлагерь, где ни за что ни про что будут всячески унижать и подвергать нечеловеческим мучениям. – Сеймур не хотелось, чтобы в его голосе прозвучала ирония, и, кажется, ему это удалось.

Побледневший Фаталиев ответил не сразу. Сеймур уже жалел, что поставил в трудное положение убежденного коммуниста и общественного уполномоченного внутренних органов безопасности республики.

- Да, я могу так подумать. По всему видно, что Багирова признают виновным, - твердо сказал Фаталиев, не оглядываясь по сторонам, как он обычно это делал, разговаривая на сомнительные, по его мнению, темы.

- Отец мне рассказывал, что Берия и Багиров до революции в Баку вместе работали в каком-то учреждении, забыл только где, - чтобы отвлечь Фаталиева от темы несправедливости, вспомнил Сеймур.

- До революции при мусаватском правительстве Мир-Джафар Багиров служил начальником полиции, а Лаврентий Павлович был его заместителем. Они были друзьями, - безучастным голосом подтвердил Фаталиев.

- Значит, он защищал друга. Багиров поступил как благородный человек. Он-то, наверно, понимал, чем ему это грозит. - сказал Сеймур, но Фаталиев ничего не ответил. Он сидел, молча уставившись перед собой неподвижным взглядом.

Судебный процесс закончился в апреле, врага народа Мир Джафара Багирова приговорили к расстрелу, и Президиум ЦК КПСС с решением суда согласился. А еще через месяц, в мае 1956 года диктор сухим безразличным голосом зачитал по радио сообщение о расстреле.

По мнению Фаталиева, в стране происходят странные события, и трудно представить, к чему это приведет. Чтобы как-то утешить его, Сеймур вспомнил, с каким восхищением говорил о Багирове отец.

Постепенно тема расстрела Багирова иссякла, и Сеймур совсем было собрался уходить, но Фаталиев его задержал. Они пили «экспериментальный» шафранный напиток, и Фаталиев рассказал Сеймуру о своем впечатлении после случайной встречи с Самандаром.

- Я его три месяца как не видел, а сегодня так просто с первого взгляда не узнал. Даже походка изменилась. С первого взгляда видно, что у Самандара пропал кураж. Сеймур, а тебе его совсем не жалко?

Сеймур чуть не поперхнулся.

- Вы меня удивили. Вы считаете, я должен его жалеть?

- Самандар человек, несомненно, мерзкий, и ты абсолютно правильно поступил с ним. Но, когда прошло время, ты не думаешь о том, как ему теперь не просто здесь жить.

- И вы его жалеете.

- Сам удивляюсь. До сегодняшней встречи мне в голову не пришло бы его пожалеть. Это притом, что я продолжаю думать, что он получил по заслугам. А сегодня я вспомнил, что у него есть жена, дети. Подумал, как к нему теперь относятся подчиненные. До той встречи с тобой у всесильного Самандара в Амбурани было прозвище танк... Он и был вроде танка на самом деле. Ты можешь понять, почему Самандар не сообщил о том, что лишенный прав зек до полусмерти избил его, председателя сельсовета, в его же собственном кабинете? Стоило ему пожаловаться, неизвестно, что с тобой сделали бы. Вернее известно.

- Если вы не можете догадаться, почему он на меня не донес, - усмехнулся Сеймур,- то мне это уж точно не под силу. Я только удивляюсь и жду, когда он донесет.

- Ему было стыдно, ему до сих пор стыдно. Ни товарищу Назимову, ни своему родственнику Куткашенлы он не мог сказать, что в его собственный кабинет, прихрамывая, пришел посторонний дистрофик, и в одиночку избил его так, что он не мог ни ходить, ни разговаривать.

- Почему это я дистрофик? – удивился Сеймур.

- Потому что ты вешишь килограммов на двадцать- двадцать пять меньше, чем полагалось бы... Извини, дистрофика я добавил ради эффекта. Сеймур, вы меня сбиваете с мысли! Так вот теперь все это откуда-то стало известно в Амбурани. Он из сельсовета теперь почти не выходит, знает, что втихомолку над ним все смеются.

- А от кого бы амбуранцы могли узнать, что Самандара избили? – Сеймур испытующе посмотрел на Фаталиева. – Знали только вы, Назимов, Газанфар и я. Кто, по-вашему, мог оповестить местное население?

- Вот именно,- усмехнулся Фаталиев.

Оба были уверены, что население было оповещено стараниями товарища Назимова.

- Значит, пострадавшему Самандару вы сочувствуете? А меня, например, вам не жалко? – изобразив простодушие, полюбопытствовал Сеймур.

- Тебя-то за что? - удивился Фаталиев.

- Ну, как за что? – замялся Сеймур, он уже жалел, что заговорил об этом с Фаталиевым.

- Вам же все обо мне известно.

Фаталиев внимательно посмотрел на него:

- Да. Но только ты не рассчитывай, что за все твои тяжкие испытания тебя кто-нибудь пожалеет.

- Да я и не хочу, чтобы меня кто-то жалел.- возмутился Сеймур.- Я же сказал – например! Я убежден, что если уж кого жалеть, то тех, кто был покалечен на войне или без вины заживо был похоронен в лагере, а не крокодила Самандара. Например, товарища Багирова, которого на ваших глазах несправедливо приговорили к расстрелу, вам не жалко?

- Нет, конечно. Как его можно жалеть. Багиров, к твоему сведению, сильный, значительный человек. Таких людей не жалеют. Я уверен, что если бы Мир Джафар Багиров почувствовал, что его кто-то жалеет, для него это было бы хуже расстрела. Кто-то сейчас радуется и злорадствует, кто-то возмущается тем, как с ним обошлись, но чтобы его не дай Бог жалели, он не заслужил. Пойми, что бы с человеком не произошло в жизни, сущность его от этого не меняется. К чему я это говорю? Таких как ты, дорогой мой Сеймур, не жалеют. В каком бы ты тяжелом положении не оказался, всегда найдутся люди, которые тебе будут завидовать.

- Приятная шутка,- усмехнулся Сеймур. – в меру веселая и неожиданная.

- Никаких шуток,- серьезным тоном сказал Фаталиев, - Тебе известно, что всем людям, скажем, подавляющему большинству, непременно свойственны такие качества, как зависть и жалость?

- Возможно. – Сеймур пожал плечами.

- Поверь, это не я придумал! Так вот, мир устроен так, что на жалость способны только сильные люди по отношению к слабым. А на зависть обречены слабые. Они завидуют сильным, это неприятное чувство, иногда мучительное, но избавиться от него в редчайших случаях удается только тому, кто становится сильным сам.

Сеймур вдруг обнаружил, что слушает Фаталиева с интересом.

- И что, неужели не встречаются люди, никогда не испытывающие зависти или жалости? В виде исключения хотя бы.

- Среди обычных нормальных людей таких исключений не бывает. Понял? Так что ни от кого жалости не жди. Ты не тот человек. А завидовать тебе будут.

- Если хоть раз встречу безумного человека, который в чем-то мне позавидует, я вам обязательно расскажу,- усмехнулся Сеймур.

На этом беседа на научные темы прекратилась, и Сеймур ушел. При виде хозяина Алби вначале исполнил, как всегда при его возвращении, радостный танец, а затем уткнулся ему в колени. Сеймур положил ему руку на голову, и Алби замер от счастья.

- Как хорошо, что ты не способен жалеть или завидовать, - серьезным тоном сказал ему Сеймур.

Они еще долго сидели рядом, человек и собака, которая умеет только любить, молча смотрели на вечернее небо и думали каждый о своем.

В пятницу она опоздала. Было девять часов, когда залаял Алби. То был особый радостный лай, перемежаемый визгом, которым он каждый раз встречал ее, прежде чем она успевала постучаться в дверь.

В каждую их встречу его охватывало ощущение праздника, на смену грустных мыслей приходила уверенность, а надежды на будущее при ней обретали туманные очертания далеких, но приятных событий. Сегодня она выглядела очень уставшей, Не улыбнулась и склонилась, когда он хотел ее обнять. Сеймур спросил, чем она расстроена.

Оказалось, что Марьям беременна. Она сказала, что ее ребенок будет носить фамилию мужа, который никогда не узнает, что ребенок не от него. Для нее всегда семья была главной ценностью жизни, и она ее должна сохранить любой ценой. Еще она сказала, что пришла попрощаться. Сеймура она никогда не забудет, но сюда больше не придет.

Неожиданное известие о ребенке отозвалось в нем неизведанным прежде ощущением. Он был оглушен, но при этом в беспорядочном ворохе мыслей одна отчетливая все-таки промелькнула, - он подумал, что ему нечего ей предложить, кроме нищенского существования в кочегарке с бесправным человеком без паспорта.

Она сказала, что ей будет очень тяжело без Сеймура, но она окончательно решила расстаться с ним.

- Я ухожу, - сказала Марьям.

Сеймур слушал ее, продолжая неподвижно сидеть за столом. Он слушал с застывшим лицом, ни разу не перебив ее, и ничего не спросил, после того как она замолчала. С пронзительной тоской он почувствовал, что ему не хочется жить. Он видел, как она встала с кровати, подошла к столу и, сев напротив, уставилась в него долгим внимательным взглядом.

- Плохо тебе? - тихо сказала она, - Не переживай так, не надо.

Не дождавшись ответа, Марьям встала с кровати, подошла к Сеймуру и, обхватив обеими руками его голову, заплакала. Она рыдала так, как будто от горя у нее разрывается сердце.

Сеймур гладил ее, говорил ласковые слова и просил успокоиться. Говорил он с трудом, потому что ему перехватило горло. Постепенно она перестала плакать и стала, как всегда длинно и путано, рассказывать.

- Ты не переживай. Теперь я поняла, что делать. Я как та раненая кошка, все время от боли бросаюсь из стороны в сторону, а теперь успокоилась, - Марьям вытерла слезы и улыбнулась, - Ты наверно видел, у нас в лаборатории живет кошка. Никто не знал, что по ночам, когда холодно, она забирается в газовую печь, и там спит в теплом дымоходе. В то утро зажгли газ, когда она была в печке. Это было ужасно, слышать, как в печке кричит перепуганная кошка. Она сильно обгорела. Когда она выскочила, шерсть на ней тлела. Она металась по лаборатории, но в руки никому не давалась, и никто ей не мог помочь. От боли она не соображала, что делает, бросилась на окно и разбитым стеклом порезала морду и лапы. И тут в лабораторию вбежала кухонная посудомойка. Кошка, как будто ее ждала, сразу вспрыгнула к ней на руки, и они обе, - эта несчастная кошка и пожилая посудомойка Сара плакали вместе. Фаталиев отвел их в медпункт, там кошке сделали укол, смазали обезболивающей мазью и обернули полотенцем. Сара носила ее на руках, плакала от жалости и убаюкивала ее как ребенка. Я тоже как та кошка, до прихода сюда не могла найти себе места, и помочь мне никто не мог. Думала, сойду с ума. Только сейчас я, наконец-то поняла, что кроме тебя мне никто не нужен. Теперь я знаю, без тебя я умру. Ты мое спасение, ты моя жизнь. Только ты.

Они сидели, прижавшись друг к другу, в темной комнате, освещенной только тусклым пламенем топки, и молчали. Слышно было, как, забившись под стол, похрапывает Алби.

- А что с кошкой?- спросил Сеймур, когда она собралась уходить.

- Только ты не смейся! – предупредила Марьям, в полумраке глаза ее светились, и почему-то показалось, что она похожа на кошку.

- Над чем? – удивился Сеймур

- Не знаю...- нерешительно сказал она,- Кошка оказалось беременной, через месяц она родила двух здоровых котят.

Сеймур все-таки рассмеялся.

Наступила жара, и Сеймур большую часть суток проводил на воздухе, под навесом, сооруженным им в задней части котельной, недоступной глазу редких прохожих. Они пришли вдвоем, Назимов и Фаталиев. Сеймур провел их под навес и усадил за стол, который он перенес сюда из кочегарки. Алби приветствовал гостей залившимся лаем и размахиванием хвоста.

В этот приезд Назимов показался Сеймуру непривычно оживленным.

- Может быть, пойдём ко мне в лабораторию и поговорим там?- предложил Фаталиев.

- Зачем? Здесь прохладно, нет посторонних. Хорошие вести можно сообщить где угодно, хуже они от этого не становятся,- сказал Назимов.

Вести, привезенные Назимовым в планшете, действительно показались Сеймуру неправдоподобно хорошими.

Сеймур не поверил ушам, когда узнал, что он амнистирован и в скором времени полностью будет восстановлен в правах.

- То есть теперь я могу отсюда уехать и встречаться с кем хочу?- спросил он.

По всему было видно, что Назимов доволен. И, хотя он разговаривал официальным голосом, чувствовалось, что происходящее приятно и ему.

- Само собой, с этой минуты куда хотите. Завтра, например, я вам советую съездить в Баку и в управлении МГБ получить документы и валюту, изъятые у вас при пересечении границы в 1951 году представителем органов государственной безопасности в Бресте. Изъятую валюту вы можете получить в рублях по курсу, предусмотренному законом.

- Поздравляю! – сказал Фаталиев, всем своим видом излучая радость.- Сеймур, вы не представляете себе, как это важно, что вы восстановлены в гражданских правах.

- Все это неожиданно и поэтому особенно приятно. Но мне очень хочется, чтобы мне вернули боевые награды,- сказал Сеймур,- Для меня, может быть, это самое главное.

- Да, да, да, - ответил Назимов, и потупил взгляд, - на счет наград разговора пока не было... Извините, странный вы человек. Вам только что сообщили, что вы свободный человек... Остальное приложится со временем. Можете вот прямо сейчас уйти, уехать отсюда.

- Куда?

Назимов развел руками.

- Я думаю, и этот вопрос прояснится в ближайшее время. Больше ничего вам сказать не могу. Не имею права раньше времени.

После ухода Назимова и Фаталиева Сеймур включил радио. Спустя час в дверь постучали особым бодрым стуком, пришел Аслан.

- Говорят, ты от нас переезжаешь?- спросил он, выставив на стол бутылку коньяка и плитку шоколада. Кусок докторской колбасы он отдал Алби.

- Кто говорит?
- Народ говорит, в лице профессора Фаталиева. Кстати, что ты думаешь об этом человеке?
- он показал Сеймуру на репродуктор, из которого доносилась речь Хрущева.
- Сообщаю тебе официально, я ему благодарен. И я знаю, что миллионы людей ему благодарны за то, что он вернул их к человеческой жизни. Они готовы на него молиться. Больше ничего о нем не знаю. Я в политике не разбираюсь.
- А-а, боишься?!
- А ты не боишься? Еще успеешь. Бояться начинаешь постепенно, дорогой доктор Аслан, когда уже бывает поздно.
- Я с детства всего боюсь. Но свое мнение тебе скажу. Я прослушал его выступление дважды, вчера и один раз сегодня утром, и могу сказать, что-либо этот человек сумасшедший, либо платный агент империализма, но в любом случае антисоветчик. Помянешь мои слова, наша страна никогда уже не будет прежней.
- Надеюсь. Если обманешь, обижусь навсегда.
- Ты посмотришь, страна разделится на две части, как Германия, а его самого расстреляют как агента международного империализма.
- Что ж получается, кого не возьмешь, все агенты империализма!? – не выдержал Сеймур.
- Вот именно. Кого не возьмешь. Согласно официальным источникам - их большинство, могу перечислить поименно. - он откупорил бутылку и разлил коньяк по стаканам.- а теперь скажи мне откровенно, когда нашей страной будут руководить не агенты международного империализма, а нормальные приличные люди?
- Спросишь у товарища Назимова, он тебе откровенно все расскажет.- рассеянно посоветовал Сеймур, он размышлял над последними словами куратора.
- Это у тебя защитный рефлекс, очень полезный, но со временем, привыкнув к безопасности, человек становится откровенным.
- Я подумаю над этим,- сказал Сеймур, слегка пригубив коньяк, Аслан с готовностью приняв это обещание за тост, выпил до дна.
- Будь здоров! Я же говорю, опасное время прошло, глупые стукачи попрятались, а умные записываются в жертвы культа личности.

Аслан поздно вечером ушел, на прощанье туманно объяснив Алби, что его хозяин человек, конечно, умный, но не умеет по наивности использовать на свою пользу достоинства и недостатки советской власти. Алби, который с детства испытывал отвращение к запаху алкоголя, чихал и фыркал. Сеймур довел приятеля до проходной и попросил Гахрамана проводить доктора Аслана до автобусной стоянки.

Следующий день положил начало цепи событий в Амбурани, претендующих, по мнению Сеймура, по крайней мере на звание грандиозных или фантастических, или на то и другое вместе. Утром за ним приехала машина Назимова и доставила его к зданию сельсовета. В кабинете Самандара за столом сидели Назимов, Фаталиев, два незнакомых молодых

товарища в черных костюмах с серыми однотонными галстуками. Самандар, как и полагается гостеприимному хозяину в присутствии начальства, молча сидел на стуле в углу и выражением лица почему-то напомнил Сеймуру большой кусок овечьего сыра. Назимов пригласил Сеймура к столу и познакомил его с двумя представителями райкома партии.

В присутствии Сеймура Назимов объявил, что им всем вместе предстоит организовать дело, можно сказать, государственной важности. 27 августа, то есть через десять дней, в Баку приезжает иностранная, точнее международная делегация, в состав которой входят лица, представляющие ООН, Красный Крест и общество Франция – СССР. Возглавляет делегацию господин Клод Вернье. Назимов выложил на стол список членов делегации, которых вместе с переводчиками было 11 человек.

Теперь- то Сеймур понял, что означали намеки Назимова. Он не сразу услышал, что Назимов обращается к нему.

- Вы знакомы с Президентом общества «Франция – СССР», вице президентом «Эр-Франс» Клодом Вернье?

- Во время войны я знал Клода Вернье, военного летчика, командира одного из отрядов Сопротивления.- сказал Сеймур.- Но он не был тогда ни президентом, ни вице-президентом. Может быть...

- Подтверждается,- с довольным видом перебил Сеймура Назимов. - Из прилагаемой справки явствует, что президент общества «Эр-Франс» господин Клод Вернье заявляет о своем намерении встретиться с Сеймуром Рафибейли, его боевым товарищем в войне с германскими оккупантами. Встречу он просит организовать по месту жительства соратника. В Азербайджане делегация пробудет трое суток, из них целый день отведен на поездку в Амбуран. За два дня в Баку делегация посетит Сумгаит и крупнейший в СССР бакинский нефтеперерабатывающий завод. Предстояли встречи в Министерстве культуры и в историческом музее.

В Амбуран зарубежные делегации никогда еще не приезжали. По словам Назимова, руководству сталинского района, то есть секретарю райкома и председателю райисполкома были даны указания провести прием делегации на самом высоком уровне. Была составлена программа однодневного пребывания делегации в Амбуране. После посещения единственного в мире местного шафранного совхоза было запланировано морское купание, а затем обед. Встречу Клода Вернье с его боевым товарищем Сеймуром Рафибейли предполагалось провести в перерывах между мероприятиями коллективного характера.

Назимов объяснил, что текущее совещание носит предварительный характер, и попросил присутствующих внести свои предложения. Все внесенные предложения были короткими и деловыми. Встретить делегацию рекомендовалось с плакатами, посвященными советско-французской дружбе под звуки «Марсельезы» и «Марша нефтяников» Кара Караева. Хорошее впечатление на приезжих могут произвести девушки в платьях с национальными узорами, которые преподнесут всем членам делегации большие букеты лилий и букетики цветов шафрана в керамических горшочках с национальным орнаментом.

По поводу этого пункта программы Назимов спросил Самандара, может ли он обеспечить встречающих национальными платьями и горшочками. В ответ Самандар вскочил с места и особым молодецким голосом доложил, что за обеспечение национальными предметами и обычаями в Амбуране всю ответственность он берет на себя.

Совещание вскоре закончилось, Назимов признал его результаты положительными, и все его участники разъехались.

Фаталиева и Сеймура Назимов довез до совхоза на своей машине. По дороге он спросил Сеймура, с какой по его мнению, целью Клод Вернье собирается с ним встретиться. Сеймур сказал, что ему это неизвестно, но то, что ему самому очень хочется увидеть Клода и его жену Марион, он знает точно.

Подготовка к приезду делегации началась немедленно. Вдоль дороги, ведущей в шафранный совхоз, высаживались какие-то невиданные в этих местах кусты оранжевого цвета. Откомандированный из районного центра в Амбуран эстрадный оркестр по нескольку раз в день репетировал «Марсельезу» и «Марш нефтяников», ежедневно «окончательно» согласовывалось с руководством района меню торжественного обеда. Все шло нормально, но начальство все равно волновалось, и волнение это усиливалось по мере приближения дня приезда делегации. Больше всех волновался Сеймур, но об этом наверно не догадывался даже Алби.

Над селеньем вертолеты обычно пролетали несколько раз за день. Некоторые из них отвозили дежурные бригады на Нефтяные камни, два других, также цвета хаки, принадлежащие рыбнадзору, в поисках браконьеров облетали побережье в те дни, когда, по мнению инспекторов, обстановка считалась благоприятной для незаконного вылова осетровых посредством крупноячеистых сетей. На лету винты вертолета скрежетали, скрипели и посвистывали. Надсадный рев их моторов был слышен издали. Вертолет, который неожиданно появился из-за холма и начал плавно снижаться, двигался бесшумно. Он был дивной красоты, с линией хрустальных иллюминаторов вдоль всего блестящего, цвета морской воды корпуса, а своей совершенной обтекаемой формой напомнил встречающим белугу, несущую в чреве крупнозернистую икру высшего сорта. Шума от него было не больше, чем от лопастей ветряной мельницы при умеренном южном ветре - гилаваре.

Пораженные роскошным зрелищем, сельчане перевели взгляд на председателя сельсовета.

- Правительственный...- многозначительно поджав губы, объяснил Самандар. Он жестом пригласил присутствующих подойти к вертолету, который приземлился на лужайке в десяти метрах от трибуны с микрофоном.

Дальнейшее происходило в строгом соответствии с планом. Как только раскрылась дверь, и на землю начал плавно сползать трап, все его четыре ступени тут же были засыпаны цветами, а оркестр в зажигательном темпе сыграл «Марсельезу». По плану предполагалось, что после «Марсельезы» будет исполнена увертюра оперы «Кер-оглы». Первыми из вертолета вышла чета Вернье, но так как трап был узким, Клод пропустил

улыбающуюся жену вперед. Встречающие в восторге закричали приветствия на вполне французском языке и разом подняли над головами плакаты с портретами Хрущева и де Голля. Самандар не спускал зоркого ястребиного взгляда с трапа, и как только нога Марион Вернье коснулась земли Амбурана, дал условную отмашку правой рукой. Встречающие делегацию по четко отработанной схеме расступились, и мадам увидела у своих ног лежащего на боку барана с позолоченными рогами, который, как ей показалось, смотрел на нее пристальным взглядом, исполненным укора и печали. В то же мгновение Самандар дал второй знак, и нарядный Газанфар под звуки «Марсельезы» мгновенно в одно касание острым ножом от уха до уха перерезал барану горло, из которого бурным потоком хлынула кровь. Баран очень неприятно захрипел, и в его глазах уже нельзя было прочесть ни печали, ни укора. Мадам пронзительно вскрикнула и упала навзничь на обгавленную кровью траву рядом с бараном.

Переполох начался такой, что Сеймuru подойти к Марион не удалось. Клода он тоже видел лишь поверх голов взволнованных сельчан. Он подбежал к стоящему поодаль сельсоветскому грузовику, борта которого были обклеены приветственными лозунгами, и попросил водителя, чтобы тот быстро съездил в совхоз и привез доктора Аслана.

- Быстро! Доктору скажешь, что у женщины сердечный приступ.

Сеймур не был уверен, что водитель Самандара его послушается, но тот, почтительно выслушав его, услужливо кивнул, и машина рванулась с места выполнять распоряжение.

Сеймур вернулся к вертолету. Самандару вместе с двумя заместителями и Газанфару удалось к этому времени оттеснить зевак и теперь рядом с телами мадам Вернье и усопшего барана оставались лишь члены делегации. Две дамы из Красного креста совершенно без пользы для выздоровления Марион заламывали руки и искусно манипулировали кружевными платочками. Было заметно, что, по крайней мере, одна из них вот-вот тоже упадет в обморок, но, по-видимому, отсутствие вблизи предмета, похожего на диван или тахту, заставило ее раздумать.

Внешне спокойствие сохраняли только Клод и представитель ООН, высокий, сутулый человек, напоминающий зорким взглядом и крючковатым носом престарелого горного орла, случайно залетевшего на морское побережье. Клод стоял на коленях, склонившись над Марион со стаканом воды, а похожий на орла внимательно вглядывался в безоблачный горизонт.

У входа в сельсовет Сеймур увидел Назимова, тот стоял неподвижно со странным выражением лица человека, внезапно увидевшего, как в его спальне дворовая кошка доедает мышь на его любимой подушке. Сеймuru удалось подойти совсем близко к Клоду, он попытался поймать его взгляд и в это время он услышал, как незамеченный им ранее член ЦК компартии Азербайджана, первый секретарь Сталинского райкома Афрасиаб Куткашенлы сказал Самандару:

- Чтобы сегодня же заявление об уходе было на моем столе!

- Как я могу уйти раньше срока, если меня избрал народ? - огрызнулся Самандар в ответ на неожиданное предложение высокопоставленного родственника, - я-то уйду, что народ скажет?

- С народом я договорюсь сам. А ты... После того как иностранцы уедут, чтобы ноги твоей не было в Амбурани! Не дай тебе Бог здесь хоть раз появиться!

- За что? Что я тебе сделал?! – ноющим голосом спросил Самандар.

- Что сделал? Ты погубил меня! Сегодня среди бела дня при свидетелях ты меня убил. И весь сталинский район опозорил.

Торопливым шагом вернулся Назимов. По его решительной походке и выражению лица было видно, что командование дальнейшими событиями поручено ему. Почти одновременно с возвращением Назимова подъехал грузовик, из кабины которого выскочил доктор Аслан.

Сеймур крепко ухватил его под руку и подвел его к Марион.

- Это доктор, - сказал он. Это были первые слова, которые он сказал Клоду. Со времени приземления вертолета прошло девятнадцать минут.

Доктор внимательно послушал сердце Марион. Она открыла глаза и удивленно смотрела на незнакомого человека в белом халате.

- Все в порядке, - сказал он ей, - Мы сейчас вас перенесем.

Сеймур перевел ей слова доктора.

- Сейка, - Марион улыбнулась слабой улыбкой. Дыханье у нее было прерывистое, ей было больно, и говорила она с трудом. – Вот мы и увиделись.

Она ответила на все вопросы врача. Аслан удовлетворенно кивнул головой и попросил Сеймура доставить из совхозного медпункта носилки.

- Вставать ей нельзя. Перенесем на носилках.

Сеймур тут же послал водителя в совхозный медпункт за носилками. И тут вмешался Назимов. Ни к кому конкретно не обращаясь, он, отдельно произнося слова, объяснил, что носилки не понадобятся, потому что он получил указание незамедлительно отправить на вертолете иностранную делегацию в Баку, где в лучшей городской клинике мадам Вернье будет оказана квалифицированная помощь.

Назимова перебил доктор Аслан.

- У больной предынфарктное состояние. Перепад давления в вертолете может ее убить. И по трапу ее поднять невозможно, - объяснил Назимову Аслан, - Необходимо, чтобы она осталась здесь.

- Вы не поняли, - сказал Назимов, и в голосе его прозвучал металл – Вертолет с делегацией отправится в город. Сейчас же! А вам я запрещаю вмешиваться!

На доктора Аслана слова Назимова произвели совсем не то впечатление, на какое тот рассчитывал.

- Иди! Слушай иди, лови своих шпионов! - сказал внезапно рассвирепевший доктор, - А в лечение больных не вмешивайся, не твоего ума это дело!

Политичный Назимов не считал для себя возможным на глазах международных представителей препираться с взбунтовавшимся сельским врачом. Он что-то пробормотал себе под нос и отошел в сторону.

- Что они говорят?- нетерпеливо спросил Клод.

- Они говорят, что Марион нельзя лететь, и она останется здесь, пока состояние ее не улучшится.

В обстановке всеобщей растерянности руководство взял на себя Аслан, который объявил, что больную незамедлительно следует перенести на носилках в теплое помещение, но ему неизвестно, есть ли поблизости такое помещение. Он обратился к Назимову:

- Вы можете что-нибудь предложить?

В ответ Назимов молча кивнул и указательным пальцем правой руки поманил к себе Самандара.

- Ты слышал, что сказал доктор?

- Нет.

- Очень хорошо. Подбери несколько человек, пусть они отнесут носилки с мадам иностранкой на ближайшую благоустроенную дачу. То есть на дачу родителей Сеймура.

От неожиданности у Самандара вытянулось лицо:

- Почему туда?

- Ты понял, что я сказал? Быстро!

Марион перенесли на носилках на дачу. Все полчаса, пока ее несли, зонтик над ней поочередно держали две дамы из Красного креста и полумесяца. Эта дача до войны считалась лучшей в Амбурани. К удивлению Сеймура и дом, и сад выглядели ухоженными. Со второго этажа спустили двуспальную кровать и поставили у окна с видом на море. Еще через пятнадцать минут из города примчались с включенной сиреной две машины скорой помощи, вызванные товарищем Назимовым. На одной приехала бригада медиков, на второй привезли оборудование, которое немедленно перенесли в дом.

Приехавший профессор Таривердиев, маститый кардиолог, высокий человек с жизнеутверждающим выражением тщательно выбритого лица, осмотрел Марион. Узнав, что прежде сердечных приступов у нее не бывало, улыбнулся ей и бодрым голосом сказал, что волноваться не стоит, следует спокойно лежать и думать о приятных вещах, все остальное дело медицины. Он приказал медсестре сделать больной две инъекции и установить рядом с кроватью капельницу. В открытую дверь Сеймур видел, как Назимов, который все время стоял за спиной врача, вынул из коробки с ампулами листки описания, украдкой сунул их в свой нагрудный карман.

С Марион осталась медсестра, а все остальные вышли в соседнюю комнату, где состоялся врачебный консилиум с участием профессора Таривердиева, доктора Аслана и товарища Назимова. Маститый кардиолог к доктору Аслану относился уважительно и называл его коллегой.

Состояние спящей Марион было признано удовлетворительным. Профессор рекомендовал во избежание неожиданностей и с учетом перемены климата оставить больную в селенье еще на сутки, и куратор с ним спорить не стал.

Решили программу пребывания делегации не отменять. Клод остался с Марион, а все иностранные гости в сопровождении Назимова и Фаталиева отправились на экскурсию в шафранный совхоз. После шафранного совхоза делегации предстояло посещение Сумгаита, а затем прием во дворце профсоюзов. Уехали и городские врачи. В гостиной при больной остались дежурить доктор Аслан с прикрепленной медсестрой.

И Клод и Сеймур, по мнению их знакомых, считались людьми немногословными, но сегодня оба они не могли наговориться. У них было общее ценное достояние – воспоминания. И они вспоминали.

Клод в нерешительности потер лоб.

- Виктор умер... Ты знал? – спросил он Сеймура, но ответа не дождался,- Он умер ночью во сне, смертью праведника. Похоронили его с воинскими почестями. – Клод заставил себя улыбнуться, - Почти никого не осталось. Надо держаться друг друга.

Сеймур молча кивнул. Он ощутил пронзительную печаль, когда вдруг услышал слова Виктора – я везде чужой, и увидел его улыбку.

В комнату заглянул Аслан.

- Буду краток,- сказал он Сеймуру,- Жена твоего друга чувствует себя нормально и, проснувшись, она может встать и вести привычный образ жизни. Второе, в той комнате слышно, как от непрерывных разговоров у вас пересохло горло. Спроси у своего друга, может быть ему хочется выпить чая или чего-нибудь другого?

- Чего-нибудь другого. Он пьет сухое вино.- сказал Сеймур.

- Пойду скажу.

Все, что рассказал Клод после ухода Аслана, казалось Сеймуру невероятным, хотя он и был уверен, что все сказанное чистой воды правда.

Недавно генерал Де Голль встречался с господином Хрущевым. Встретились для того, чтобы разрешить проблемы, накопившиеся за время войны. Проблем накопилось много, но одна из них относилась к числу главных – судьба военнопленных, бывших участников Сопротивления, вернувшихся в СССР. Узнав от де Голля о том, как с ними поступили в его стране, Хрущев был потрясен. Он дал слово восстановить справедливость и свое обещание выполнил. На сегодняшний день все они освобождены и восстановлены в гражданских правах.

Клод замолчал, когда в открытой двери появился Аслан.

- Вы можете разговаривать и при мне, ты же знаешь, по французски я не понимаю. А вино и еду сейчас принесут. - При желании можно было заметить, что Аслан чем-то смущен. По его словам, первое, что он увидел, выйдя из ворот, был Самандар, непринужденно прогуливающийся в сопровождении племянника.

- Непринужденно прогуливающийся Самандар, это ты хорошо придумал,- одобрил Сеймур.

Он сказал, что гуляет здесь главным образом по своей инициативе, но с одобрения куратора. Горит желанием выполнять указания членов делегации и сопровождающих лиц, для чего государство в лице руководителя района выдало ему безразмерную скатерть самобранку. Вот и все. Я вежливо попросил его сходить в ресторан и принести нам вина и еды.

- И он пошел?

- Побежал. После того, как мы с ним подробно обсудили меню. По-моему, таким поведением он пытается загладить впечатление от утреннего жертвоприношения... Ладно, вы беседуйте, а я в ожидании обеда пойду непринужденно прогуляюсь в саду.

- Я тебя прошу, посиди с нами, Клод рассказывает поразительные вещи, послушай.

Клод, не скрывая удовольствия, рассказал, что на Первого секретаря Центрального Комитета Хрущева произвело также приятное впечатление письмо Генерального секретаря компартии Мориса Тореза, в котором тот просит восстановить справедливость и способствовать беспрепятственному выезду гражданина Французской республики Сеймура Рафибейли за пределы СССР.

- Вопрос. Каким образом Морису Торезу пришло в голову ходатайствовать за незнакомого человека, о котором прежде он ничего не слышал? - Сеймур испытующе посмотрел на Клода. - Да?

- Да. - подтвердил Клод, - Попросил его я. И еще за тебя поручились все оставшиеся в живых коммунисты нашего с тобой бывшего отряда. Письмо Торезу подписали сто четырнадцать человек. Что ты можешь на это сказать?

- Говорю. – Сеймур был взволнован, - Сказка! Прекрасная сказка, в которую хочется поверить.

Произведенным эффектом Клод остался доволен.

- Тогда послушай продолжение сказки. Завтра ты вылетаешь вместе с нами в Москву, а оттуда через день в Париж. Согласие властей получено,- Клод вложил на стол паспорт,- Это твой французский паспорт с визой.

Аслан был потрясен:

- Первый раз в жизни вижу человека, который уезжает за границу, - благоговейно прошептал он, листая французский паспорт Сеймура. - И ты теперь будешь там жить? Молчи, молчи. Пусть ответит товарищ иностранец. Переведи.

Клод сказал, что Сеймур будет жить во Франции, где у него есть друзья, домик в городе Алби и счет в банке.

- Счастливцев! Чувствую, как от зависти у меня начинается диабет! – диабетом Аслан заболеть не успел, потому что как раз в это время раздался стук, и в комнату просунулась голова Газанфара:

- Нести?

- Быстро! – приказал Аслан, - Наверно, все уже остыло. Появившийся вслед за Газанфаром официант с тележкой начал проворно накрывать стол.

- Вижу по твоей физиономии, что в ресторане ты хорошо поел. Никуда не отлучайся, иди в сторожку, сыграй с охранником в нарды. Может быть, позже придется еще раз съездить за вином. Все понял?

Газанфар послушно кивнул.

- А Самандару что сказать? Он там. Стоит в коридоре.

Получить приглашение к столу Самандару в этот день было не суждено.

- Откуда я знаю? Скажи ему что хочешь, я в ваши дела не вмешиваюсь, – мастерски изобразив приступ мимолетного скудоумия, пожал плечами Аслан.

Под аплодисменты участников застолья в комнату в сопровождении медсестры вошла Марион. Она выглядела здоровой и подтвердила это интересным комментарием к сегодняшнему происшествию, после того как Клод усадил ее рядом с собой. Медсестра села рядом.

Веселье за столом достигло высшей точки, когда приехал товарищ Назимов. За стол он сел, но пить наотрез отказался. Он ел осетрину на вертеле и запивал ее минеральной водой.

- Я приехал, чтобы узнать ваше мнение,- сказал куратор Назимов Клоду, - Завтра с утра мы прямо отсюда поедem на нефтеперегонный завод, затем на прием в министерство культуры, а оттуда прямо в аэропорт.

- Прежде чем ответить, Клод посмотрел на Аслана.

- Это невозможно, - сказал Аслан, выслушав перевод, - Мадам Вернье следует подготовиться. Самолет до Москвы летит шесть часов с двумя посадками - это серьезная нагрузка на организм, и рисковать я ей не советую. Лучше всего если, в аэропорт она поедет отсюда.

- Прежде всего безопасность мадам Вернье,- от себя добавил Сеймур.

Слова Сеймура куратор пропустил мимо ушей.

- Имей в виду,- криво усмехнувшись, сказал Аслану товарищ Назимов, кивнув на Сеймура - Он уедет с ними, а ты-то останешься здесь.

- Договорились, с этой минуты мы с тобой на ты. Только ты тоже имей в виду, они уедут, а ты-то останешься здесь, хе-хе! – шутливым тоном, в котором явственно сквозил вызов, сказал Аслан.

- Ты что хочешь этим сказать?- с потемневшим лицом спросил Назимов. Чувствовалось, что куратор теряет самообладание.

- Хочу сказать, что и вы, и я, и наши дети и внуки будут до конца жизни жить здесь и за границу не переедут.- доброжелательным голосом объяснил Аслан. - Потому что ни вас, товарищ Назимов, ни меня переехать во Францию никто не пригласит.

-Что – нибудь случилось? – заинтересовалась Марион, поняв, что речь идет о ней.

- Товарищ куратор спрашивает, хотите ли вы завтра утром поехать на нефтеперерабатывающий завод и посмотреть там на самую мощную в Европе крекинг-установку, перерабатывающую сырую нефть в бензин, дизельное топливо и мазут?- через переводчика объяснил ей доктор.

- Нет,- решительно отказалась Марион,- мне не хочется ехать смотреть на нефть и бензин. Я не люблю запах бензина.

Товарищ Назимов посмотрел на бокал с вином в руке пациентки доктора Аслана и рассмеялся.

- Все сошли с ума,- ни к кому не обращаясь, сказал он.- Невозможно работать.

Беседа на тему здоровья Марион продолжилась. Она рассказала внимательно слушающему доктору, что в первый раз в обморок упала в 1944 году в городе Алби. Она увидела, как на улице трое мужчин, один из них полицейский, садовыми ножницами насильно стригут наголо молодую женщину. Женщина билась всем телом, истошно кричала, но бесполезно, стрижка продолжалась. Марион попыталась помочь несчастной, но полицейский приказал ей не вмешиваться, и она потеряла сознание.

Аслан не мог понять, как это могло произойти, что во Франции среди бела дня какие-то посторонние люди насильно стригли женщину. Вмешался Клод. Он рассказал, что в 1944 году во Франции не осталось ни одного германского оккупанта. И тогда французы воспряли и начали очищать страну от предателей коллаборационистов. Сотрудничавших с немцами мужчин сажали в тюрьму, а женщин, повинных в горизонтальном коллаборационизме, то есть оказывающих оккупантам интимные услуги, публично подвергали стрижке наголо. Насильственно были пострижены двадцать тысяч женщин. Это продолжалось год, а затем вмешался де Голль, и все, мужчины и женщины, были прощены и приравнены в правах ко всем остальным французам.

Узнав о том, что у Марион случались обмороки и до приезда в Амбурэн, Назимов почему-то воодушевился:

- Очень хорошо. Вот видите! Выясняется, что мадам Вернье падала в обморок и до Амбурэна. Это обязательно надо отметить в отчете, - одобрительно сказал он, и, подняв бокал, до которого прежде не дотрагивался, предложил выпить за здоровье мадам Вернье, которая мужественно перенесла выпавшие на ее долю неприятности средней тяжести.

Вспоминали Виктора. Клод рассказал, что после отъезда Сеймура Витек получил лицензию и открыл на главной городской улице кафе под непонятным для горожан названием «Анна унд Марта баден».

- Очень популярное кафе с баром, - сказала Сеймуру Марион,- Управляет им Мишель Астахов. В каждый приезд в Алби мы с Клодом туда заходим. Между прочим, над стойкой бара висит большая фотография. Ты на ней в смокинге, весь в орденах и улыбаешься.

Назимову, судя по всему, застолье понравилось. Во всяком случае, он произнес несколько прочувственных тостов. А когда говорил о вечной неувядаемой дружбе народов Советского Союза, Азербайджана и Франции у него трогательно дрогнул голос.

- Я бы на твоём месте плясал бы от радости, а по тебе не поймешь рад ты или нет,- сказал Аслан, когда, попрощавшись, они вдвоем шли по направлению к совхозу.

- Рад? Когда Клод выложил на стол мой паспорт с визой, я понял, как выглядит счастье.

- Это и есть счастье! Но все равно, такое у меня ощущение, что ты непрерывно что-то обдумываешь.

- Так и есть, нормальный человек перед долгой поездкой должен все обдумать.

- У тебя вид как на похоронах доктора Аслана. Перед отъездом и поговорить бы не помешало. И долго еще ты собираешься думать.

- Боюсь, что до самого утра,- усмехнулся Сеймур.

- Тогда до завтра, прощаться приеду в аэропорт.

Они расстались на стоянке, когда подошел последний автобус.

Вещи были собраны, Марион и Клод ждали машину.

Сеймур смотрел на улыбающегося друга и никак не мог заставить себя сообщить ему свое решение.

- Я решил остаться - сказал Сеймур.- Спасибо тебе за все, но я остаюсь, - Клод молча смотрел на него. - Ты должен понять меня. У меня было время над всем подумать, и я понял, что не сумею жить на чужбине.

Марион и Клод растерянно переглянулись.

Клод покачал головой.

- Черт тебя побери, Сейка! Приятные вещи я от тебя слышу. На чужбине! Ты забыл, что ты гражданин Франции.

- Никогда не забываю. Если у меня будут дети, я уверен, они тоже будут гордиться этим.

Пораженный Клод посмотрел на жену, но та лишь в недоумении покачала головой.

- Ты шутишь?

- Нет.

- Ты уже забыл о том, что они с тобой здесь сделали?

- Все помню и никогда не забуду.

- Объясни, что случилось? Я ничего не понимаю, во Франции у тебя есть всё - друзья, солидное положение, всеобщий почет. А здесь? Кто ты здесь? Я то хорошо знаю, что здесь происходит. Если тебя до сих пор не уничтожили, то по чистой случайности. Я не прав?

Сеймур молча кивнул.

- Тогда в чем дело? Извини, но кто ты здесь? Изгой. Причем нищий и бесправный изгой.

- Да. И единственный способ исправить все это - уехать на все готовое во Францию? Когда я там жил, то всегда ощущал, какая это прекрасная страна. Клод, ты хоть раз задумался, кто

Францию сделал такой, какая она сегодня? Я тебе напомним. Это сделали многие поколения французов – великие короли, рыцари, королевские мушкетеры, бесстрашные мореплаватели, писатели, ученые...

- И еще менестрели, шуаны, Гильотен и Гобелен,- насмешливо добавил Клод, - Ты о них забыл.

- Они тоже. – согласился Сеймур, - Но не я. Я не сумею забыть, если перееду во Францию, что я всего лишь чужестранец, к которому хорошо относятся друзья и знакомые. Во Франции я буду каждый день вспоминать свою больную и несчастную страну, из которой я, как расчетливая крыса, сбежал туда, где всем так хорошо живется. Марион, скажи, разве я похож на крысу? – спросил он, и ему самому стало смешно.

- Ты как две капли воды похож на стреноженного агнца,- грустно сказала Марион, - Бедный мой Сейка.

Клод с изумлением смотрел на Сеймура, так, как будто увидел его впервые.

- У меня не получится это забыть, – сказал Сеймур.- Там эта мысль будет со мной каждую минуту, а потом я сойду с ума... Прости меня, Клод. Франция прекрасна, но это не моя страна. Все могилы здесь.

- Рассуждения сумасшедшего человека,- сердито сказал Клод,- Ты лучше вспомни, что происходит здесь, в стране, которую ты считаешь своей.

- Все помню, например, и то, что ты не сбежал из Франции, когда ее оккупировали немцы... Здесь все гораздо сложнее и хуже, чем ты себе можешь представить. Тебе воображения не хватит понять, что здесь происходит на самом деле. Я не спорю. Ты абсолютно прав. Жить здесь невозможно! Можно только существовать, да и то если позволят. Но что-то же надо с этим делать?

- У тебя есть план?

- Только намерения,- усмехнулся Сеймур - Я не заблуждаюсь на свой счет, я здесь ноль, зеро... Но, в будущем... Надо же хоть когда-нибудь попытаться. Я очень хочу, чтобы Марион и ты знали, что я буду любить вас до конца своей жизни. Клод, ты меня слышишь?

В дверь постучали, это был водитель Назимова. Приоткрыв дверь, он тактично, лишь наполовину просунув голову вовнутрь, попросил поторопиться.

Они обнялись.

- Ты сумасшедший, Сейка,- повторил Клод. И тут Сеймур увидел, что по лицу несгибаемого командора Клода Вернье текут слезы.

От внезапно нахлынувшей острой тоски защемило сердце, когда Сеймур вдруг отчетливо почувствовал, что они видятся в последний раз.

Он проводил их до калитки. На улице Марион и Клода ждали Назимов, Фаталиев и другие официальные лица. На трех машинах они поехали в аэропорт.

Сеймур спустился к морю. Алби бежал по самой кромке воды и лаял на чаек.

Он долго гулял по берегу. Сеймур думал о будущем. Изменившийся мир манил его к себе. Прежние вершители судеб были мертвы, новые ждали своего часа. Он уже понял, что людям, искалечившим лучшие годы его жизни, судьба незнакомого им Сеймура Рафибейли была столь же безразлична, как судьбы миллионов других «щепок лесоповала». Ненавидеть было некого. Сеймур впервые за долгое время ощущал себя в жизни без постоянной изнурительной ненависти.

Белопенные волны разбивались о скалы, призывно и радостно кричали чайки, прохладный ветер с моря обдувал лицо, Сеймур шел, и ему казалось, что он выздоровел после долгой тяжелой болезни.

Наступил вечер, когда он позвал Алби и пошел домой.

Гахраман стоял у входа в совхоз. Вид у него был непривычно понурый.

- А мне только что сказали, что ты навсегда уехал за границу,- увидев Сеймура, сказал он.

- Ты поверил?

- Да, - с виноватым видом признался Гахраман, - стоял здесь и переживал.

- Ты умный человек, Сеймур. Объясни мне, почему в этом совхозе все врут? Раньше доктор говорил, теперь сам убедился, врут. Я сидел в проходной и слушал по радио музыку. Пришли, соврали, испортили настроение.

- Очень просто: все дело в шафране!- объяснил Сеймур, - Я выяснил. Главная причина всеобщего вранья, взаимного недоверия и группового браконьерства кроется в шафране, и бороться с этим бесполезно. В Амбуране все происходит под воздействием шафрана. Верь в это, и жить станет легче, жизнь станет веселей. - Он попрощался с заметно повеселевшим Гахраманом и направился в кочегарку.

Алби шел рядом, и, как всегда, сосредоточенно думал, что ему дадут на ужин.

- Не грусти, собака, будет когда-нибудь и на нашей улице праздник,- сказал ей Сеймур. - Знать бы только, где эта улица?

Собака в ответ одобрительно залаяла, давая понять, что адрес неизвестен и ей, но она всегда готова принять участие в любом мероприятии на любой улице, лишь бы быть рядом с Сеймуром.